

18+

ДМИТРИЙ СМИРНОВ

КУЗНЕЦОВА

И ЛУЧИКИ ДОБРА

Дмитрий Смирнов

Кузнецова и лучики добра

2021

УДК 82-3
ББК 84-4
С50

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Смирнов Дмитрий

С50 Кузнецова и лучики добра / Дмитрий Смирнов. — [б. м.] :
[б. и.], 2021. — 324 с.
[б. н.]

«Новая искренность». Метамодернизм. Деконструкция. Давайте проще! Деконструированный сэндвич — ресторанное блюдо, состоящее из приготовленных ингредиентов сэндвича, разложенных на тарелке. Зачем? Читатель может создать композицию на свой вкус, смешивая и выбирая. Автор же оттачивает мастерство: деконструкция — это понимание посредством разрушения стереотипа. Состав этого сэндвича: фэнтези, путешествие и приключения, психологическая драма, утопия, сатира с иронией, мистификация и секс.

УДК 82-3
ББК 84-4

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

СКАЗКА

Дон посмотрел на небо, привстал от костра и полез в сумку. Достав соль, он принялся обходить костёр по большому кругу, оставляя за собой тоненькую белую дорожку, от которой вверх поднимался едва заметный дымок.

Начертив на земле круг, Дон пересёк его наискосок, откусив треть, потом ещё раз, ещё и ещё. И ещё. Рина молча сидела, наблюдая за этим ежевечерним ритуалом, соблюдавшимся с завидной точностью.

Смысл этих действий известен всем местным охотникам: испаряясь в течение ночи, соль создаёт завесу, достаточную для того, чтобы скрыться от внимания уцытаклей. Обычно хватало окружности. Зачем Дон всё усложнял и вписывал в неё звезду, Рина предпочитала не интересоваться — мало ли какие причуды бывают у людей.

— Всё, можно спать, — сказал Дон, возвращаясь к огню.

В последние несколько дней его репертуар не отличался особым разнообразием: «Всё, можно есть» — когда еда была готова, «Всё, можно вставать» — когда все выспались, и «Всё, можно спать» — когда защитный узор был начерчен.

Но даже эти простые конструкции казались какой-то непривычной формой учтивого обращения (ещё бы, сам Дон говорит, что можно).

— Дон, а расскажи сказку, — пробормотала Рина, почти уже провалившись в сон.

— Сказку?.. — хмыкнул Дон. — Сказку? — ещё раз удивлённо повторил он и ненадолго замолчал.

Его тело, однако, продолжало привычно выполнять ритуал подготовки ко сну. Дон выдохнул и отстегнул от пояса кобуру. На следующем выдохе достал из неё бластер и щёлкнул костяшкой пальца по экрану, на котором ненадолго вспыхнуло кислотным цветом число 53, подумало и лениво сменилось на 52.

— Сказку? — в третий раз спросил Дон и убрал бластер обратно.

Сумку он положил под правый бок, а кобуру — под левый, лёг на спину и закинул правую руку за голову.

— Ну хорошо, раз так...

Покрытая розовыми и нежными, как попа недавно съеденного поросёнка, чешуйками, третья голова отрастала и привычно зудела. Фыркнув, дракон приподнял шею и почесался затылком отросшей головы о свод пещеры, зевнул, легонько рыгнул и снова задремал.

«Через неделю чешуя почернеет и огрубеет, и голова наконец-то примет товарный вид, — прикинул дракон. — А завтра надо бы вылететь пополнить запас животного белка — строительного материала».

Драконы могут годами лежать на одном месте практически не шевелясь, понизив свой метаболизм до минимального уровня. Иными словами, драконы не дураки поспать, когда больше нечем заняться. А заняться преимущественно нечем, когда ты пушка, а кругом воробьи.

Да и долголетие — это такая смешная штука, когда спешка неуместна.

Время от времени драконам, впрочем, приходится суетиться, что-то там отстаивать, переезжать в другие пещеры и всячески нарушать гомеостаз — в общем, выживать. Когда они вынуждены всем этим заниматься, людские запасы белковой пищи в виде домашней живности особенно востребованы.

Драконы — мастера регенерации и адаптации. Хотя с тех времён, когда у них развился иммунитет к огню, а также колющим, режущим и рубящим предметам, эволюция драконов несколько затормозила, так как перестала получать достаточную мотивацию.

С мотивацией у драконов вообще беда. Ну, разве что некоторые продвинутые экземпляры решили отращивать себе дополнительные головы и даже разыгрывать потом с их помощью пьесы на несколько действующих лиц с конфликтами (хотя любому человеку, которому известна цельность драконов, очевидно, что это шутка).

— Впрочем, мы отвлеклись, — сказал Дон. — Всё-таки это сказка, а не лекция.

Пока мы отвлекались, сон дракона стал беспокойным. Продрав один глаз, дракон прислушался и нашёл причину раздражения: хриплый человеческий крик снаружи пещеры, продолжавшийся уже несколько часов.

— Э-э-э-эй, ну ты, говно, выходи махаться!

Дракон вздохнул. Потом вздохнул ещё раз. И ещё. По разу на каждую голову. Делать было нечего, пришлось ползти к выходу. Возле него стоял рослый рыцарь, упакованный в латы с головы до ног, и орал со всей дури.

— Ну-у-у-у-у-у? — протянул дракон.

— Выходи на честный бой, чудище поганое! — Лексикон рыцаря сразу же поменялся, как только стало понятно, что дракон всё-таки здесь.

«Честный», — фыркнул про себя дракон, а вслух поинтересовался:

— Ну-у-у, что ещё?

— Подошла к концу твоя злодейская жизнь и лихие деяния!

— Ещё что?

— Вечно, думал, будешь набегу совершать да поместья грабить, тварь мерзопакостная?! Расплата близка за все прегрешения твои!

- Ещё что?
- Не боюсь я тебя, змеюка подколотая! Со мной сила предков! На моей стороне справедливость! Не посрамлю род людской!
- Ещё что?
- Ну, принцесса ещё. — Рыцарь уже начал выдыхаться, поубавил пафос и перешёл с крика на нормальную речь.
- О, принцесса, — заинтересовался дракон. — Красивая?
- Угу, — насупленно ответил рыцарь. — В смысле, не твоё собачье дело!
- И что, не жалко?
- Кого не жалко? — не понял рыцарь.
- Ну как кого. Живота своего, как обычно. Жизнь отдать, костями полечь, головушку буйную сложить, смерть лютую принять, все дела... Мало ли как там всё выйдет. Дракон вот большой, а ты маленький и железный. Много за латы-то отдал?
- Вообще-то немного жалко, — удивлённо ответил рыцарь после небольшой паузы и снова сорвался на молодецкий рык: — Но на моей стороне правда! Сила предков! Род людской!
- Эй-эй, не голоси. А что, вот без этого всего вообще никак?
- А как без этого-то всего?
- Да хорошо без этого. «Я тебе нравлюсь, ты мне нравишься, зачем время терять?» Или эта... как её там... любовь. Сметающая все преграды, границы и условности. Ну, как в книжках.
- Вот именно! — оживился рыцарь. — Любовь! Сметающая все преграды и границы. Трудные испытания, преодоления. Невероятные подвиги. Дракона вот убить, — задористо намекнул рыцарь и оценивающе посмотрел на противника снизу вверх.
- Это, простите, условности. Хотя да, что-то я зря. Понятно, понятно. Доказательства и преодоления. Знаем, знаем.

— Ну и папаша без этого не отдаёт.
— Не? — сочувственно переспросил дракон.
— Не. Стоит на пути, как дракон... То есть ой!
— Ничего, бывает. Оговорочка по... Ну, допустим, просто оговорочка. Что ж с тобой делать-то? Ладно, есть альтернативное решение. Голов у тебя сколько?
— Одна, — снова удивился рыцарь.
— Да и та не очень, — усмехнулся дракон. — А у меня три. Ха-ха. Скот, живность?
— Кто скот?
— А ты весёлый человек! Животины, говорю, у твоих пейзажей много?
— Голов триста скота.
— Вполне. Раньше за такое вообще трёх принцесс можно было купить. И чего ж это папаша артачится?.. Значит, так. Ты мне сейчас рубишь голову... Только, ради бога, руби, а не пили, это раздражает! Приносишь голову папе, он счастлив, принцесса мокнет, свадьба, все дела. Но через недельку я к тебе ночью прилетаю и съедаю скота голов, скажем, пятьдесят. Ну, плюс побочный ущерб: ещё голов десять и глупых крестьян несколько дурных душ. Попадаются, знаешь ли, герои. Зато потом все счастливы.
— А-а-а-а?..
— Минимизация рисков и усилий, а! Стратегия выживания. Ну, лень. Понимаешь? Лень. Старый, больной, толстый, ленивый дракон. Тут драки часа на три, — прикинул дракон, глядя на доспехи. — Я после неё проголодаюсь, всё равно лететь, грабить, убивать, вот опять это всё. Может, и тебя съем. Хотя, может, и ты меня. Но это вряд ли. В любом случае — возня. А тут всё точно и надёжно. Считаю, контракт. Мы же разумные существа, да? Нет, ну если ты драться хочешь... — Дракон картинно срыгнул и выплюнул комплект чьих-то костей. — Выбор всегда есть.
— Да?
— Правда-правда.

Рыцарь потянулся было почесать голову, но вспомнил, что на ней шлем.

— Нет, а что, давай так. Пятьдесят голов не так уж и много.

— Плюс побочный ущерб, — напомнил дракон и вдруг прищурился: — А ты не обманешь?

— Как можно?! Слово честного дворянина!

— А, ну тогда конечно. Руби!

Дракон положил шею на камень и приподнял дыбом чешую. Рыцарь постоял с минуту, не веря в своё счастье, широко взмахнул двумя руками и отсек дракону голову. Задумчиво глядя на обрубок немигающим взглядом, дракон выпустил из пасти тоненькую струйку огня и прижёт рану.

— До свадьбы, как говорится, заживёт. Для убедительности могу латы подпалить, — предложил дракон, заметив, что рыцарь заинтересованно уставился на огонь. — Надо?

— Ага, — обрадовался рыцарь. Просто головы ему уже было мало.

— Ты бы только из них вылез, а то зажаришься ведь.

Десять минут спустя рыцарь, в одном нижнем белье, увлечённо рассматривал чешую на свежедобытой (настоящей!) драконьей голове. Доспехи покоились на земле, аккуратно разложенные для прожарки.

— Вот за что я вас, людей, люблю — так это за абсолютное неумение реализовывать долгосрочные программы. Ну, принимая во внимание продолжительность вашей жизни, это даже простительно. Понимаешь, о чём я?

— А? — отвлёкся от головы рыцарь.

— Дурак, говорю. Ты зачем перед драконом доспехи снял?

Дон вздохнул и замолчал. Может, он изображал вздох дракона. А может быть, вздохнул сам.

— И что, он его убил? — не выдержала Рина.

— Нет, отправил домой гольшом.

— А почему?

— Биологическая целесообразность, — устало выдохнул Дон, переходя снова со сказочного на лекторский тон. — Масса мозга дракона относительно массы тела невелика. Хотя, конечно, в одном драконе мозгов на десяток людей хватит.

Полежать и лишний раз подумать — самый эффективный способ существования для дракона. И не только подумать. Поязвить, например. Пошутить. Поиграть — но только если в голове. Опять-таки философские концепции всякие. Поболтать, пусть даже с людьми, хотя после пяти минут это скучно. Развлекать-то себя чем-то надо. Поэтому, кстати, драконы и считались источником мудрости: слишком маленькая голова. У людей наоборот. Голова большая. Думать — накладно. Жрать — хочется. Бегать и мечом махать — самое оно. Впрочем, ладно...

И пошёл рыцарь домой голым. Дополз кустами да оврагами до поместья, прикрываясь драконьей головой. Пострадало только самолюбие, поэтому всё быстро улеглось. Даже эти пятьдесят голов на пожар списали. Не было никакого дракона, показалось. Дракона же наш господин надесь победил. Вон же голова на шесте, глаза протри, холоп. А кто слухи распускает — того на кол.

Дон снова замолчал.

— А потом? — поторопила Рина.

— Ну и, конечно, свадьбу сыграли, и даже как-то жили вместе худо-бедно... То есть богато и счастливо, по-людски так. Всем хорошо, и дракону мороки меньше.

— А потом?

Дон сделал вид, что заметил вопрос только сейчас.

— А потом суеты от людей стало слишком много, и драконы вымерли.

ПЕРВИЧНЫЙ ПРИЁМ

Дон проснулся за полдень.

За окном щебетали птицы и переговаривались два голоса. Первый был мужским, звучал увесисто и невзрачно, как старый сундук, пустой, но всё равно тяжёлый. Второй напоминал нежное постукивание ногтем по фарфоровой чашке и был женским или детским.

Дон сладко потянулся. Тело отозвалось приятной негой — такой, какая бывает, когда выспался на несколько дней вперёд. Минут пять он полежал, прислушиваясь к голосам за окном, но слов разобрать было нельзя: «Бубубун, будудун!» — «Юнк-юнк».

— Ладно! — сказал Дон вслух, спрыгивая с полатей на деревянный пол.

В центре комнаты находилась печь шарообразной формы, опоясанная круглым столом, как Сатурн кольцами. Стены сверху донизу были заставлены стеллажами и полками, отчего создавалось ощущение, что находишься в шкафу, вывернутом наизнанку.

Сев за кулинарную секцию стола, Дон размолот в чугунной ступке крупные чёрные семена, засыпал их в медную ёмкость с длинной ручкой в форме змеи, залил водой и поставил на печь.

«Брум-бум-ум?» — «Ня-ня-ня», — продолжали голоса на улице.

К тому времени, как напиток был готов, в дверь постучали.

— Войдите! — крикнул хозяин, разливая кофе по двум кружкам.

В комнате появился заветренный, как пряник, мужчина лет пятидесяти и на мгновение пропал, разглядывая всё вокруг.

— Внутри она меньше, чем снаружи, — сказал он с удивлением.

— Банан большой, а кожура ещё больше, — парировал Дон.

— Что?

— Что?

— Моя маленькая девочка больна... — После долгой неловкой паузы незнакомец решил перейти к делу.

— Девочка?

— Да. Она не в себе.

— А где она?

— На улице.

Дон привстал и выглянул в окошко.

— Знаете, не такая уж она и маленькая.

— Да?

— Но и не мальчик.

— Не мальчик.

Дон жестом указал сначала на кружку, а потом на диван в углу. Гость сел, но к неведомому напитку отнёсся настороженно и пробовать не стал, чем вызвал досаду хозяина, которая, впрочем, никак не отразилась на его лице. Кофе в запасах оставалось так мало, что каждая ложечка была на вес золота, но откуда посетителю знать ценность напитка?

Немного расслабившись, мужчина попробовал излить душу:

— Люди приличные в деревне живут, а не в лесу. Но я вынужден, понимаете? Скрепя сердце... Дальше и терпеть нельзя! Не чахотка же, да и не болезнь вовсе. Хотя, конечно, девочка вянет. Но она с детства такая. Ну, не болезненная, а такая... не мальчик. Пацана понятно, куда пристроить — под-

мастерьем, а девочек надо беречь от всякого. Особенного от этого вот! — Он неопределённо махнул рукой в воздухе, словно указывая одновременно на содержимое всех стеллажей.

Гость, оказавшийся кузнецом из деревни неподалёку, не был мастером разговорного жанра.

— Можно я буду называть вас «мистер Смит»? — тут же обрадовался Дон. — В... эм-м-м... номенклатурных целях.

Кузнец охотно согласился, словно и не желал раскрывать своего настоящего имени. Жена Смита умерла при родах, и на этом его знакомство с женщинами по большей части закончилось, и что делать с девочкой, он не знал. Проблема же имела явно бабскую природу, хотя бы потому, что у себя Смит ничего подобного никогда не наблюдал.

— Так что же всё-таки не так? — спросил Дон.

— Она плохо спит. От этого, конечно, не умирают. Да ведь, не умирают?

— Я не знаю. Насколько плохо?

— Ужасно. Вскрикивает, стонет и не может заснуть. Потом засыпает — и опять. И так всю ночь. Травы не помогают.

— А что ей снится?

— Я не знаю... Кошмары, — махнул рукой Смит. — Днём ходит бледная. Иногда её тошнит. Несколько раз теряла сознание. Лекари говорят, что здорова, либо болезнь им неизвестна, если это вообще недуг. Насколько всё опасно, не знают, но слабость же, да? Потеряет сознание — и опа головой! И ещё болтают, что в таких делах только вы можете ей помочь.

— Кто конкретно болтает, простите? — удивился Дон.

— Болтают, — повторил, неопределённо разведя руками, Смит.

— И вы согласны нанять меня?

— Если правда сдюжите — согласен.

— А если нет?

— Тогда нет.

— В любом случае вы рассчитываете на мои услуги?

— Да.

— Хорошо, а цену знаете? — поинтересовался Дон и увидел, как кузнец меняется в лице.

Рина стояла на поляне возле избушки и ждала, когда «мужчины поговорят», по выражению папы. Она могла бы найти дорогу сама, но отец решил проводить её, собираясь в путь так, как будто эти проводы — последние.

Оставленная без присмотра, Рина тут же расплзлась вниманием по поляне, перепрыгивая с одного предмета на другой. Травинка. Если неаккуратно взять и быстро дернуть — можно порезаться. Листик на земле. Красный. Почему одни желтеют, а другие краснеют? О, гусеница ползёт. Пушистая. Интересно, щекочут ли гусеницы друг друга? Корень дерева. Ствол. Ветка. Листик на ветке. Красный листик на ветке.

Взгляд вернулся к строению, которое Рина успела рассмотреть украдкой во время разговора с отцом. Это был почти обычный деревянный дом, не считая одной странности: он стоял на каменном основании, слишком высоком, чтобы быть фундаментом, — футов пять, но слишком низком и без окон, чтобы быть первым этажом.

Надземный погреб? Предосторожность против потопа... в лесу? Остатки старой башни? Хорошо подогнано к избушке, хотя камень не выглядит новым. По булыжнику вообще можно определить его возраст?

Рина зажмурила один глаз, всматриваясь в совершенно обычный валун. Тысяча лет — это кто, подросток? От какого момента считать рождение? Ну конечно же, раствор. Камням не угадать, сколько лет, а вот скрепили их вместе — Рина с видом знатока стала рассматривать стыки между булыжниками — когда? Непонятно.

Послышались скрип двери и сопение, это отец вышел и начал спускаться по лестнице, приставленной к избушке.

«Возвышенность нужна, чтобы держать оборону, — подумала Рина. — Лестница втягивается внутрь — пигмеи не пройдут?»

— Я обо всём договорился. Теперь он хочет видеть тебя, — сказал кузнец, спустившись и отдышавшись.

Рина, быстро одолев лестницу, вошла в избушку — и потерялась. Дон рассматривал девушку, пока та рассматривала комнату, и было видно, как возрастает волнение посетительницы. Наконец Рина выдохнула, расставила руки в стороны, словно играя в жмурки, и начала говорить.

— Я захожу в комнату, сверху донизу обставленную полками, — произносит Рина и обводит руками вокруг себя. — В центре комнаты — печка, — кивает на печку. — Я рассматриваю комнату, потом иду вот сюда, направо, — показывает и начинает на цыпочках подходить к полке. — Меня почему-то привлекает скульптура бегемота, довольно внушительная и неказисто сделанная в сравнении с остальными. Я подхожу ближе, и вот она! — говорит Рина и начинает волноваться до дрожи в руках.

Фигурка бегемота стоит на полке.

— Здесь я понимаю, что в ней нет ничего интересного, но на самом деле притягивала меня не она. Я аккуратно отодвигаю... Можно? — робко спросила Рина.

Дон повёл плечами, что, вероятно, означало: «На ваше усмотрение». Вернее, он чуть наклонил голову влево, чуть поднял левое плечо, немного растянул левый уголок рта и приподнял левую бровь. Вся левая сторона говорила: «Я не знаю». Правая же оставалась неподвижной. Несомненно, это означало: «Как хотите».

Рина убрала бегемота и замерла на несколько секунд, после чего руки её безжизненно обвисли, спина сгорбилась. Девушка попятилась назад и упала на диван.

— Там был единорог, но его нет, — едва слышно сказала она.

— Можно подробнее?

— За бегемотом стоял единорог, фигурка. Её почти не было видно. Я отодвинула бегемота и нашла его там. Но сейчас его там нет. Он был?

— У меня никогда не было единорога.

— Потом я брала скульптуру в руку, нечаянно уколовшись рогом, вздрагивала и просыпалась, после чего не могла заснуть до утра. И так каждую ночь уже полгода.

— Вам это снилось?

— Да.

— Моя избушка?

— Да.

— Это очень мило. И пожалуй, удивительно. И что потом?

— Я просыпалась.

— Что произошло между тем временем, как вы начали просыпаться, и тем, как вы оказались здесь? — переспросил Дон.

— Стала слабеть и сказала об этом отцу. Он не поверил, что это всего лишь из-за каких-то снов. Но спустя месяц наконец-то обратил внимание на то, что со мной происходит, вещи просто стали валиться из рук. Отвёл к лекарю, который ничем не помог. Второй тоже, но посоветовал ведьму — как крайнюю меру. Пошли туда. Я рассказала сон, она пожалела, что ничем не может помочь, но велела искать Дона в лесу.

— А отец?

— Его надежды кончились ещё перед ведьмой.

— Хорошо, чего вы хотели?

— Ведьма сказала, я найду единорога у Дона, но я даже предположить не могла, что мне снилась именно эта избушка. И что его здесь нет! Конечно, я не думала вот так сразу обнаружить его у вас, но когда всё увидела... Вы правда не знаете, где он?

— Понятия не имею, — спокойно сказал Дон.

— Значит, ничем не можете мне помочь? — потухшим голосом произнесла Рина.

— Ну почему же сразу так обречённо? Хотите, я помогу с поисками?

— А как?

— Выйдем за пределы дома и посмотрим вокруг, как бы глупо это ни звучало. С отцом я уже договорился.

Рина не поверила и выглянула в окно, чтобы увидеть там вечно озабоченное лицо отца, но тот куда-то пропал.

— А где папа?

— Ушёл.

— Как ушёл?

— Вот так, оставил вас и ушёл.

«Надо же, отец впервые бросил меня без присмотра, и Дону удалось с ним о чём-то договориться», — удивилась она. Всё это было крайне странно.

— Можно я подумаю?

— Это у вас пока не запрещают, — улыбнулся Дон. — Я не тороплю. Не смущайтесь, я буду заниматься своими делами.

Занятия Дона были подозрительно похожи на сборы в дорогу, наведение порядка или перестановку в комнате, где нечего было переставлять. Рина, конечно же, знала ответ — в конце концов, выбора у неё не было, — но не решилась отвлекать мужчину. Закончив сборы, в качестве последнего штриха Дон достал несколько табличек с надписью «Не продаётся» и развесил их на полках. К тому времени девушка уже спала на диване. Заметив это, Дон достал откуда-то с полки плед, укрыл свою гостью и встал напротив неё, о чём-то размышляя и прислушиваясь к дыханию девушки.

Спала она долго, почти сутки, и ей совершенно ничего не снилось, поэтому впервые за несколько месяцев удалось выспаться.

На следующий день дверь избушки открылась и по лестнице спустились двое. Они посмотрели друг на друга, Дон улыбнулся и сказал:

— Итак, где вы в последний раз видели единорога?

РАЗБОЙНИКИ

— Вы что, не знаете, куда идти? — с тревогой спросила Рина, на что Дон пробормотал что-то невнятное насчёт карты, которой у него нет, потому что территория не его.

— Вы не знаете дорогу? — переспросила Рина.

— Если бы я знал, то это были бы не поиски. А какие пути вам известны?

Рина знала дорогу домой. Из дома — на рынок. С рынка — на площадь. С площади — в соседний посёлок и обратно.

— Что ж, идём к вам, — предложил Дон.

— Но зачем?

— У меня мы уже были, а у вас — ещё нет. Или, например, в последний раз единорога вы видели в избушке у меня, но лёжа в кровати у себя. Как вам такое?

— Ну давайте... — Рина недоверчиво посмотрела на Дона.

Она не знала, о чём говорить с мужчинами, кроме них самих. Дон же молчал, а начинать первой она посчитала бестактным, так что у девушки появилось время на свои мысли.

Рина провела спокойную ночь, что само по себе было чудом. Отец кому-то её доверил, и это казалось не менее удивительным, хотя Рина пока ещё не решила, как к этому относиться. Всё остальное было ей совершенно непонятно, но самое любопытное — понятно ли хоть что-то Дону?

Почти уже на выходе из леса посередине дороги спиной к ним сидел сгорбленный человек, и как только спутники

к нему приблизились, он медленно поднялся, сверкнув сталью. Тут же из кустов появились ещё трое и окружили Дона с Риной, помахивая ножами и дубинками.

— Сдаём вещи — идём дальше, — деловито сказал человек, сидевший на дороге, самый высокий из грабителей.

— А вы новенькие? — поинтересовался Дон.

— Старенькие мы, — хихикнул другой разбойник, упитанный парень с грязными волосами и приплюснутым носом.

— Странно, сколько раз здесь живу — и вас не видел.

— Везло, значит! — огрызнулся долговязый.

— Я — Дон, а эта девушка со мной.

— Да мы и сами видим, что с тобой! — снова хихикнул толстяк. — Девушку можешь оставить, так уж и быть!

— Дети же совсем... Ладно, ведите нас к Владу.

— К какому такому Владу?

— Лохматый такой, с бородкой, — с неожиданной нежностью в голосе произнёс Дон. — Большой весельчак и ценитель жизни.

— Не знаю никаких Владов. Ты зубы нам не заговаривай. Что у тебя там в сумке? И кошель на поясе тоже давай.

— Это называется кобура. Ребята, смотрите, идея грабить людей в лесу, несомненно, блестящая, но, возможно, вы не первые до неё додумались. Лес большой, и вам, вероятно, кажется, что его всем хватит. Но вы здесь без спроса. Либо кто-то вам разрешил. Понимаете? Нет? — Голос Дона стал слегка взволнованным, словно ему было действительно важно, чтобы собеседники его услышали. — Это всё может быть наивной самодеятельностью с вашей стороны, тогда я попытаюсь вас образумить моим знакомством с настоящими разбойниками. Ну?

— Что «ну»?

— Если у вас есть босс, то отведите меня к нему, он подтвердит, что вы обознались. А если выше вот этого никого нет, — Дон указал на долговязого, — то вам придётся пове-

рить мне на слово, что затея с грабежом не самая удачная, и спокойно разойтись. Вот видите, я за вас уже всю предварительную мыслительную деятельность совершил, осталось принять правильное решение. Итак?

Разбойники переглянулись. Один из них попытался что-то сказать, но осёкся под взглядом верзилы.

— Это не твоё дело, — ответил на речь Дона главарь, особо над ней не размышляя, — и у меня кончается терпение!

— У меня тоже, но это, несомненно, моё дело, потому что мне хочется последствий вашего упрямства избежать.

Мягкий и немного игривый тон Дона на мгновение стал ледяным, выделив холодом «моё дело», и вот уже он, словно даже извиняясь, разводит руки в стороны: дескать, поймите меня правильно, а кто бы на моём месте не пытался.

— И сбежать? Не думаю, что у тебя это выйдет! — фыркнул самый молодой разбойник и добавил с вопросительной интонацией: — Старик?

Здесь Рина, наблюдавшая всё это время за ситуацией без малейшего испуга (в конце концов, разбойникам с неё просто нечего было взять), с удивлением поняла, что не может определить возраст Дона. Стариком можно назвать мужчину с первыми признаками чахлости, чтобы намекнуть на неизбежно подступающую немощь. Увядания в Доне не было, впрочем, как не было и расцвета; он не находился ни в зените, ни в закате, ни в восходе.

«Как определить возраст дерева, не разрезая его и не пересчитывая кольца? — подумала Рина. — По грубости коры? По размеру?» Ростом Дон был примерно с человека. Разбойником же было не больше тридцати.

— Всё-таки грабёж?

— Грабёж! — радостно подтвердил долговязый.

— Жаль, конечно, но пусть будет по-вашему!

Расстёгивая левой рукой кобуру, Дон одновременно выставил правую вперёд, словно фокусник, управляющий вниманием аудитории, сжал кулак, поднял большой палец

вверх, указательный выставил вперёд, в сторону главаря, кашлянул и драматически провозгласил:

— Пиф-паф!

* * *

Лагерь разбойников, состоявший из походных домиков, которые можно при желании быстро собрать и разобрать, имел тем не менее довольно оседлый вид. Расползшееся кострище, утопанные тропы, вросшие в землю ящики со скарбом — все мелочи говорили, что разбойники давно не снимались с места.

Снаружи самого большого тента, стоящего в центре лагеря, раздался глухой голос:

— Босс?

— Йохан, я же просил не отвлекать меня по пустякам!

— К вам Дон с происшествием.

Влад оживился, встал с кровати, на которой отлёживал бока последние две недели, пересел на стул в центре палатки и провёл рукой по волосам, зачёсывая и приглаживая длинные пряди.

— Пусть заходит.

Вошли Дон, Рина и Йохан — человек лет сорока пяти, имеющий вид уставшего от службы добермана.

— Какими судьбами?! — расплылся в улыбке Влад.

— Шёл мимо — и дай, думаю, зайду, — разулыбался в ответ Дон.

— Так и шёл бы себе дальше.

— Так и шёл бы, конечно, — кивнул Дон. — Молодцы твои на меня позарились.

— Да ла-а-адно! — с удивлением протянул Влад. — Йохан?

— Эй, идиоты! — рявкнул доберман.

Снаружи послышалась возня, и внутрь нехотя вошли уже полюбившиеся нам герои — трое разбойников, всё это время ожидавшие, видимо, особого приглашения.

— Это кто такие? — брезгливо спросил Влад.
— Новенькие. Неделю назад появились.
— Мы уже всех подряд берём?
— Уже давно, — недовольно ответил Йохан — мол, не я решаю.

— И действительно. Ты набирал?

— Да, — кивнул Йохан.

— Инструктировал?

— Что я вам говорил? — грозно спросил Йохан у парней.

Долговязого среди них не было, и после недолгих колебаний в попытке определить новую иерархию отвечать решил толстенький:

— Ну, это... Промышлять по мелочи, далеко от лагеря. На рожон не лезть. Не жадничать. Третью оставлять себе.

— Что ещё?

— Вроде всё.

— Кого не трогать?

— Постоянных торговцев. Знатных господ.

— Ещё?

— Вроде всё.

— Ещё? — ледяным тоном повторил Йохан.

Толстенький задумался.

— А, ещё алхимика сказали обходить стороной.

— Ну?!

— Так... это, что ли... он? А я думал... ну... — промямлил разбойник и обрисовал в воздухе круг над своей головой.

— Что ты думал, идиот? Что это? — Йохан повторил жест.

— Колпак со звёздами.

— Это астролог, — шёпотом подсказал второй разбойник.

— А я вообще считал, что про алхимика это шутка, — попытался поддержать третий, — но теперь-то сразу всё понятно стало!

В наступившей тишине раздался смех Влада.

— Ох, только ради этого и стоило! Так, и что произошло? — обратился Влад к Дону.

— Пришлось по самому ушлому из нейромодулятора пальнуть.

— В смысле?

— Ну то есть проклятие наслать, конечно. Остальные тут же решили сотрудничать.

— И что же с ним, бедным, стало? — с любопытством спросил Влад, ожидая сочных подробностей.

— Пока без сознания, скоро очнётся. Ожидаются глубокие, но обратимые потери памяти, спутанность мыслей, обильный понос и рвота. Ребята его до лагеря дотащили.

— Парней я, конечно, накажу.

— Конечно, — деловито кивнул Дон. — Вполне достаточно назначить их присматривать за пострадавшим — с целью сплочения команды и поднятия боевого духа. В первые часы, как очнётся, понос уже будет, а память о том, что при этом надо снимать штаны, ещё не вернётся.

— Годится! — хохотнул Влад и взглядом отдал распоряжение Йохану, в глазах которого промелькнуло неудовольствие от мягкости наказания, но он молча поклонился и вышел из шатра, подталкивая разбойников в спины.

— Алхимик, значит, — заметил Дон.

— Ну а кто ты?

— Франшиза тебя погубит, как мне кажется. Раньше стандарты были несколько повыше. Один Йохан десятерых стоит.

— Повыше, да... — задумчиво сказал Влад. — А это?.. — кивнул он в сторону Рины.

— Моя подопечная.

На этих словах Влад почему-то выдохнул и заметно ослабился.

— Поужинаете? — предложил он.

— И даже позавтракаем, — согласился Дон.

Принесли анисовую водку и еду. Влад изображал гостеприимного хозяина, Дон подыгрывал, Рина выступала в об-

разе прекрасной гостии. Постепенно Влад стал размягчаться и распушать хвост, сначала в рамках игры, потом всё более и более искренне.

Найдя в лице Рины заинтересованного слушателя, разбойник обрушил на неё поток залихватских историй из прошлого, складывающихся в общую картину приключений четвёрки парней, которые не захотели жить по-старому. На разбой их толкнула не острая нужда, а упрямство и свое нравность. «Не надо работать на идальго» — было их негласным девизом. «Свободные люди» — так называли они себя. В отличие от остальных, Влад получил образование — ровно такое, чтобы подняться на следующую социальную ступень, где обнаружилось, что одежды и нравы поменялись, а свободы не прибавилось.

Грабежом занялись почти сразу, как единственно доступной нетрудовой деятельностью. В ход пошли воспоминания о первых налётах, самых волнительных. Рина была, конечно же, впечатлена.

— Это только кажется, что разбойничать легко!

— Почему же, только сегодня видела пример полного провала, — мило улыбнулась девушка.

— Ха, ты всё понимаешь! — восхитился главарь.

Шайка выигрывала исключительно благодаря дерзости и сообразительности Влада и расчётливой, хладнокровной жестокости Йохана, который никогда не перегибал палку с насилием; в результате даже самые упрямые жертвы уходили чаще живыми, чем мёртвыми, но всегда без вещей.

Вскоре их банда доросла до семи человек. Новеньких набирали прямо во время промысла, когда удавалось признать своих, если, например, жертва начинала талантливо сопротивляться. Гласным и негласным лидером банды стал Влад.

— А Йохан? Он просто прирождённый офицер. Я решил называть их офицерами, как в армии, его и всех старичков, — пояснил Влад.

— Остальные, выходит, бойцы? — поинтересовался Дон.

— Получается, что так.

Влад начинал выдыхаться. Или просто истории стали заканчиваться, хотя Рина, привыкшая к отсутствию сна, могла бы слушать всю ночь.

— Вам не кажется, что грабить людей — это несколько эгоистично? — спросила Рина то ли серьёзно, то ли в попытке подлить масла в огонь беседы.

— Конечно, кажется! — отозвался Влад.

— Но?..

— Никаких но. Я забочусь о себе больше, чем о других. Все так делают, просто кто-то перегибает палку, а кто-то — нет. Если я получаю от... хе-хе... общения с людьми больше, чем они, то для них это хороший повод быть недовольными или даже избегать встречи. Я не против и всё понимаю. Просто буду более настойчивым.

— А как вы познакомились с Доном? — сменила тему Рина, поняв, что разговор о добре и зле не клеится.

Влад зачем-то вопросительно посмотрел на алхимика, тот пожал плечами — мол, это тебя спрашивают.

— Дон мог бы стать свободным человеком, — сказал Влад сухо и замолчал.

— А почему не стал? — не выдержала паузы Рина.

— Не захотел. Сначала мы пытались делить с ним лес, это было глупо, особенно когда выяснилось, что Дон просто здесь живёт. Мне потребовалось долгое время и много усилий, чтобы понять, что принцип «Кто не со мной, тот против меня» в этом случае не работает. Потом выяснилось, что Дон — маг и волшебник. Кто же откажется дружить с таким! — сказал Влад с едва заметными нотками сарказма и замолчал.

Рина покосилась на Дона. Наконец тот открыл рот и спросил:

— А чем свободные люди заняты сегодня?

— Вот именно. Вот именно, Дон, сука ты! — подскочил на месте Влад. — Свободные люди заняты! Грабежи — дело

опасное, а мы всё-таки хотели жить по-другому, а не умереть, пытаюсь. И всегда есть парни типа вон тех придурков, — Влад кивнул в сторону выхода, — которые будут вместо тебя каштаны из огня таскать. Мы стали идалго, Дон.

— Но свободы не прибавилось? — посочувствовал Дон.

— Нет. Даже наоборот. Большая организация, головная боль, логистика, дисциплина, все эти многочисленные отношения — это всё можно терпеть, когда ты главный. Или нет? — Влад посмотрел на невозмутимое лицо Дона и продолжил: — Господи, ну что я могу сделать? В лес от них уйти? Или грабить сам, как в старые добрые времена? А зачем? Зачем рисковать, когда можно не рисковать? Твой босс — ты сам — смотрит на тебя с высоты собственного опыта и говорит: «Вот так правильно». И ты отвечаешь: «Да, согласен!» Не будешь же голосу разума перечить всего лишь из-за какой-то свободы! Как же так вышло-то, Дон?

— Ты решил всё бросить и начать новую жизнь на свой страх и риск.

— Ну да.

— Так вот же он, твой страх и риск.

— Что же, получается, от неё не уйти?

— От кого?

— От системы, Дон.

— Ах, от неё... Нет никакой системы, есть просто куча людей, каждому из которых ничто человеческое не чуждо. Все они ищут свой путь наименьшего сопротивления. Когда их траектории совпадают, кажется, что есть какая-то «система», а это просто колея.

Для ночлега Рине и Дону выделили два соседних шатра, освободив их от награбленного хлама. Посреди ночи девушка вскочила — снова приснился единорог — и долго глядела в потолок, где сходились в одной точке тканевые треугольники крыши. Встала, скрутила постель, перебралась вместе с ней в палатку Дона, вызвав его понимающее сонное мычание, и тут же уснула.

Снился Влад. Он лежал в комнате отца Рины на детской кроватке. Горела свеча, воткнутая в пустую консервную банку на полу. Влад ворочался во сне. Рядом на табуретке тихо сидел Дон. Каждый раз, когда разбойник почти полностью выбирался из-под одеяла, Дон скупыми движениями укутывал его вновь и опять замирал. Внезапно Влад открыл глаза и тихо взмолился:

— Можно я пойду с вами?

— Нет.

— Почему?

— Во-первых, это некрасиво.

— Дон, мне очень надо.

— Во-вторых, мы идём, а не бежим, и не в одну сторону, а туда и обратно.

— Ну пожалуйста.

— Ну и, наконец, дорога наша не вымощена жёлтым кирпичом. Рина облегчила задачу пойти туда, не знаю куда, хотя бы знанием того, что надо найти. А ты что бы попросил у волшебника? Храбрость или сердце?

— Так что мне делать?

— Спи. Я расскажу тебе сказку. Жил-был разбойник, сущий демон. Он отбирал добро у богатых и отдавал бедным. Звали его Максвелл...

Утром следующего дня герои снова собрались под тентом у Влада на завтрак. Тон беседы был совсем другим: вместо прежней неторопливости — мол, вся ночь впереди — он больше походил на «заканчиваем дела — и нам пора». Занесли два сундука. Дон кивнул, встал из-за стола, вытер мокрые от фруктов руки о штанины, подошёл и начал изучать содержимое.

— Что это? — шёпотом спросила Рина у разбойника.

— Всякий мусор.

— А зачем он?

— Ну, знаешь, как говорят, хлам для одного человека — сокровища для другого. Раньше мы такое просто выбра-

вали. Когда грабишь, некогда разбираться: отдавай что есть и иди с миром. Потом появился Дон. Иногда он забирает часть мусора и взамен приносит что-то ценное.

— Дон покупает у вас награбленное? — ужаснулась Рина.

— Скорее превращает дерьмо в золото. Совершенно неизвестно, что и когда он принесёт взамен. Да-да, именно поэтому — алхимик.

«Так вот откуда у Дона все полки уставлены всякими штуками», — подумала девушка. Дон тщательно перебирал содержимое сундуков и не слышал — или делал вид, что не слышит — разговора Рины с разбойником.

— А тебе что от него надо? — вполголоса спросил Влад.

— Мне снится один и тот же сон — фигурка единорога. Дон сказал, что поможет её найти.

— Найти что-то из сна? Он и такое может? Она драгоценность? Золото? — заинтересовался вдруг разбойник.

— Вроде бы нет, — смутилась Рина.

— А единорог — это что? — уже без особого интереса спросил Влад и, выслушав краткие объяснения, добавил: — Что-то поганское, видимо.

Вдоволь изучив содержимое сундуков, алхимик подошёл к столу со стопкой карточек и сказал:

— Я заберу.

— Ты знаешь, что это? Шумца ограбили, обычно у них всякий шлак.

— Это Ккхи.

— Похоже на игральные карты или открытки с видами. Так ни к чему и не приспособили, какие-то они бестолковые. Но пусть будут Ккхи, раз ты так говоришь. Что ещё?

— А тебе нужен осёл? — поинтересовался вдруг Дон.

— Нет, спасибо.

— Я видел, там на улице стоит. Даже, скорее, мул. Значит, мы его заберём. Ещё нам понадобятся пайки в дорогу, соль, спальные мешки и прочее. Наверняка к мулу всё это

прилагалось — стандартный набор, вы же много путешественников грабите.

— А что мне за это будет?

— От осла избавишься, вы с ним не пара. Даже и не делай такое лицо! Да, денег стоит, а я обычно менее ходовой товар беру. И да, у тебя не лавка «Всё в дорогу». Но кто-то должен спонсировать наше предприятие. Отец девушки вложилась как мог. К тому же твои ребята на меня напали, хотя мы так не договаривались. Мне пришлось потратить заряды. Ну же: «Дорогой Дон, прими в качестве извинений это прекрасное животное».

Влад замялся.

— Неужели вам жалко? — удивилась Рина.

— Точно! Благородному разбойнику жалко девушке осла! — подхватил Дон.

— Конечно же нет! Если ей, то пожалуйста! — поспешно отозвался Влад, недобро посмотрел на алхимика и вышел наружу отдать распоряжения.

— Неплохо, — подбодрил Дон Рину, — это ещё не единорог, но мула вы себе уже нашли.

Замечание смутило девушку, она погрузилась в свои мысли и поэтому пропустила горячее прощание, пару раз кивнула, подала руку, улыбнулась и вышла вместе с Доном из-под тента, где их уже ждал полностью экипированный для путешествий мул.

Всю обратную дорогу Рина терзалась чем-то смутным, и это явно имело отношение к ослу. И, наверное, к Дону. Чтобы определиться, Рина попыталась завести разговор:

— А вот осёл...

— Мул.

— Да, мул. Он зачем?

— Возить тяжести.

— А зачем нам?

— Тоже возить тяжести.

— Мы что, будем это делать? — напирала Рина.

— Ну конечно, у нас и мул есть.

— А какие тяжести?

— Меня. Вас. Наши вещи. Еду.

Рина не могла точно решить, издевается ли Дон над ней или правда не понимает, что она хочет сказать. Если издевается, то смутные терзания становились ещё сильнее. Если не понимает, то как у него это получается?

«Совершенно же понятно, что я хочу сказать! — подумала Рина. — Так, подождите, а что именно я хочу?»

— Мы куда-то далеко пойдём? — спросила она.

— Думаю, что придётся. По крайней мере, мул у нас есть.

— Но вы же говорили, что не знаете, куда идти, и мы направляемся в деревню. — Рина попыталась поймать спутника на противоречии.

— И это правда, но у меня есть подозрения, что дорога будет дальней, хотя и начнётся в деревне.

«Нет, всё равно не то».

— Вы постоянно так странно говорите, не очень понятно! — с опаской сообщила Рина.

Если бы она прислушалась к своим ощущениям, то поняла бы, что Дон напоминает ей иностранца, прожившего в чужой стране лет двадцать и ставшего почти неотличимым от местного жителя, если специально не присматриваться.

— Мне даже заявляли, что я дурю людям головы, — сознался Дон.

— Правда?

— Чистая правда. Но я бы на вашем месте не стал обсуждать это с человеком, про которого такое говорят.

— Ну вот, вы опять!

— Некоторые люди так считают, это правда. Дурю ли я головы на самом деле? Надеюсь, что нет! Но я могу понять людей, которым так кажется, — пояснил Дон.

Видя, что её собеседник спокойно признал свою странную манеру изъясняться, Рина пошла дальше:

— Вышло, как будто это я мула выпросила. Вы так всё хитро повернули!

— Вы на меня за это сердитесь?

Убеждение, что надо говорить правду, встретилось с убеждением, что злиться на людей нехорошо.

— Я не знаю, — решила признаться девушка и умоляюще посмотрела на Дона.

— Что именно вам не нравится?

— Теперь у меня есть краденый мул, полученный нечестно.

— Дважды краденный мул?

— Да, наверное.

— И всё это организовал я?

— Получается, что так.

— Мул действительно краденый, но он был бы таким и без нас. Можете думать, что мы просто избавили его от неприятного общества Влада. Что же касается «нечестно», то вы всю ночь слушали его болтовню, хотя никто не принуждал. Мне кажется, мула вы заслужили.

— Но это было интересно! — возразила Рина.

— Несомненно, было. Как вам, так и ему. По крайней мере, у этого индюка появилась возможность распустить перья и побыть какое-то время павлином. Сделать девушке щедрый подарок в виде мула было вполне в духе нашей беседы.

— Это же неправда, не щедрый же!

— Влад, конечно, уцытакль тот ещё, но главное, чтобы он сам в это верил. Не могли же мы ограбить грабителя!

— Нет?

— Нет, обменяли мула на хорошее настроение.

Во всём этом логическом построении ощущался подвох, но Рина никак не могла его ухватить и выразить.

— Но мы же на это повлияли!

— Конечно, мы же там были.

На этом тема казалась исчерпанной. Дон молчал. Рина блуждала в мыслях, цепляясь ими за детали проползающего

мимо пейзажа и возвращаясь время от времени к мулу и Дону. Ощущение чего-то неправильного и неуместного постепенно растворилось, и, когда через несколько часов Дон предложил выбрать для животного кличку, Рина с облегчением согласилась и предложила имя Фёдор, потому что «ну вы посмотрите на эту морду».

С появлением имени мул ещё меньше стал восприниматься как краденое имущество и превратился в субъекта путешествия, хотя для самого Фёдора мало что поменялось, разве что дни на привязи сменились привычным размеренным шагом под грузом навьюченного добра.

Дон, как и Рина, тоже проехался на Фёдоре, но не от усталости, а скорее удовлетворяя желание девушки. Единолично пользоваться мулом ей было неловко, но она согласилась на честную очерёдность.

В ДЕРЕВНЕ

На подступах к деревне Дон неожиданно притормозил Фёдора и спешил. Рина уже успела подумать, что дальше она пойдёт одна — неизвестно почему, — но Дон продолжил путь уже пешком.

— Не хочу въезжать в населённый пункт на осле, — ответил спутник на незаданный вопрос. — Дурная примета.

Деревня никак не отреагировала на появление Дона; про отшельника в соседнем лесу ходили смутные слухи, но никто точно не знал, как он выглядит.

Смит нашёлся в кузнице. Он уныло выстукивал какую-то железку и, увидев Рину, с радостью бросил работу и кинулся обнимать дочку.

Счастью кузнеца не было предела. До тех пор, пока не стало понятно, что за две минувшие ночи никакого исцеления не произошло. И тут же за пределами счастья обнаружилось тихое недоверие.

— Но я наконец-то выпалась! — радостно сообщила Рина. — В присутствии Дона мне почти не снится тот сон.

— Значит, всё хорошо?

— Нет, без Дона кошмары начинаются опять.

— Теперь — всегда с ним, что ли? Это какой-то дешёвый трюк? Как это понимать? — В голосе отца слышались привычные для Рины нотки бешенства, которые она умела сразу распознавать и сглаживать до того, как они превращались в симфонию.

Дон, стоявший рядом и совершенно не возражавший, что о нём говорят в третьем лице, решил наконец высказать и своё мнение:

— Мы только начали нащупывать решение, но уже сами поиски могли обнадёжить... мнэ... пациентку. На фоне купирования тревоги произошла релаксация, и торможение стало преобладать над возбуждением, отсюда нормализация сна и временная ремиссия. Возможно, ситуация примет перманентный характер и моё присутствие больше не понадобится.

— Ты мне голову не дури! — нахмурившись, сказал Смит, но выставлять себя дураком и переспрашивать не стал, хоть не понял и половины сказанных Доном слов.

— Даже если это и трюк, это не то, о чём мы договаривались, — сказал Дон. — Окончательная помощь, но без чётких сроков — помните? Процесс идёт, или вам было бы спокойней, если бы никаких изменений не было?

Рина вспомнила этот тон, именно так Дон недавно спрашивал: «Всё-таки грабёж?» Во фразе читалось: «Я вас правильно понял?» — и открытый конец.

— Нет-нет, конечно же, нет, — пошёл на попятную Смит.

— Мне надо осмотреть место проживания и сна Рины.

— Но зачем?

— Могут обнаружиться инвайронментальные факторы, — уклончиво ответил Дон.

Маленькая веранда с мухами на окнах. Пустая гостиная со столом посередине, соединённая с кухней. Из гостиной — две двери, первая надёжно заперта на ключ.

— Ничего стоящего, кладовка, всякий хлам, — пояснил кузнец, хотя дверь была большая, межкомнатная.

Вторая вела в спальню, разделённую простой тканевой занавеской на две неравные части: в большей — кровать кузнеца, стол и шкаф, в меньшей — кровать Рины и сундук, выполняющий роль шкафа и тумбочки одновременно.

— Вы так и живёте? — спросил Дон отца.

— Что, простите?

— Так. — Дон сначала обвёл руками комнату, потом ткнул в занавеску.

— Живём хорошо. Я — второй кузнец на деревне, грех жаловаться. Оно и понятно: у первого — трое сыновей, а у меня всего лишь дочка. Всё, что могу, отдаю ей.

— Кому-кому отдаёте? — зачем-то уточнил Дон, рассеянно рассматривая несколько пустых бутылок на кухонном столе.

— Так Рине же. Больше у меня никого нет.

Дон кивнул. Отца это не успокоило, он попросил девушку ненадолго оставить их одних и несколько минут о чём-то гудел Дону в спальне. Когда мужчины закончили разговор и вышли в гостиную, Рина уже прибралась на кухне и готовила обед. Смит бросил на дочку одобрительный взгляд и отправился в кузницу.

— Что бы вы ни захотели взять с собой из ваших вещей, всё легко уместится на Фёдоре, — заметил Дон.

Рина молча резала овощи и никак не отреагировала на реплику.

— Я вернусь через два часа, буду ждать на улице, — оповестил её алхимик и получил в ответ лёгкий кивок.

* * *

— Составишь мне компанию? — спросил Дон.

Мул не ответил. Очевидно, он был одним из тех сказочных ослов, которые не разговаривают.

— Молчание — знак согласия, — интерпретировал его реакцию Дон, отвязывая мула от ограды. — Пойдёмте, Фёдор Михайлович, посмотрим, как живут эти бедные люди.

Деревня была нанизана на главную улицу, как бусы на нитку; это не так бросалось в глаза, если заходить в неё со стороны леса, но, побродив немного, нетрудно было понять, что заблудиться здесь практически невозможно.

«Какая проходная деревня!» — подумал Дон.

Рынок и площадь были прикреплены к бусам отдельным узелком, тут движение закружилось и ненадолго вовлекало путника в происходящее, но всё равно деревня оставалась топологически неотличимой от пищеварительной системы червя. Шла вторая половина дня, рынок был уже пуст, и на площади было безлюдно.

— Правая задняя! — вдруг услышал Дон.

Повернув голову в сторону голоса, он увидел поджарого мужчину лет сорока пяти, без дела сидевшего на крыльце дома, самого ладного во всей деревне.

— Простите?

— Правая задняя подкова, ухналь выпал.

Мужчина поднялся с крыльца, отворил калитку и вышел к Дону.

— Хотите посмотрю?

Дон кивнул. Мужчина успокаивающе погладил мула, легонько тронул за ногу, и Фёдор, словно понимая, что от него хотят, сам приподнял копыто. В подкове в самом деле не хватало одного гвоздя.

— Могу подковать. Делов на две минуты.

— Вы кузнец, — догадался Дон.

— Ковач, — представился кузнец.

— Дон, — представился Дон.

Мужчины пожали друг другу руки. Ковач объяснил, что надо свернуть в соседний проулок и обойти дом вокруг — там обнаружилась кузница, которая занимала всю его заднюю часть и была не видна с парадного входа.

Дело действительно заняло не больше пары минут, хотя обычно выполнение подобных обещаний растягивается минимум на семь. Кузнец не торопился, производя каждое движение текуче и в своём темпе. Шевелился он чуть быстрее, это выглядело бы как суета, медленней — как неуверенность или леность. Это не был танец, понятный ритм и внешняя красота отсутствовали, но за всем его действием ощущалось проявление невидимого постороннему глазу высшего порядка.

— Сколько я вам должен?
— За один гвоздь? Нисколько. Я ведь сам предложил.
— Этак вы разоритесь, — пошутил Дон.
— Горе мне как кузнецу, если я на гвоздях прогорю! — ответил Ковач без тени улыбки.
— То есть дело спорится?
— Можно сказать и так. Мне хватает, а жадничать зачем?
— Вам? А семье?
— Остались только сыновья, но они большие уже, зарабатывают сами. Жена меня оставила.
— Умерла?
— Нет, зачем же сразу так, — махнул рукой Ковач, — просто оставила. Ушла к другому.
— Сыновья помогают?
— Старший заказывает у меня обручи для бочек. Бондарь он. Средний — пекарь, от него никакой пользы, — усмехнулся кузнец. — Младший — офеня, промышляет по ярмаркам, раз в несколько месяцев приходит за мелочовкой.
— Дети берут у вас товар?
— И платят честную цену.
— Неужели не пошли в подмастерья?
— У них своя жизнь, к тому же тут не так много работы, мы справляемся.
— Вы?
— Я и другой кузнец.
— И как он?
— Я на коллег не наговариваю, — сказал Ковач, едва заметно скривив рот.
— А по-человечески? Ну, если не как мастер о мастере, как человек он как?
— На людей я тем более не наговариваю, — произнёс кузнец мрачно.
Дон, очевидно, задел большое место, но дальнейшие расспросы были бессмысленны, хотя можно было попробовать зайти и с другой стороны:

— Дочка его, говорят, захворала.
— Жених? — недоверчиво покосился Ковач.
— Нет, что вы.
— Лекарь?
— Нет. А ловко вы гвоздь обнаружили, — решил всё же сменить тему Дон.

— Ерунда! — смутился кузнец. — Просто намётанный глаз.

— Это сколько же метать надо, чтобы вот так?

— Лет тридцать, — пожал плечами кузнец. — Приходит человек с лошадью, поднимаешь ей ногу, смотришь — подкову пора менять. И так тысячу раз. В тысяча первый приходит человек с лошадью, смотришь на копыто сбоку и понимаешь, что ногу можно не поднимать, и так всё понятно — подкову надо менять. И так десять тысяч раз. В конце концов человек просто проходит мимо с мулом...

— ...и ты понимаешь, что гвоздь выпал.

— Верно! — улыбнулся Ковач.

— Понятно! — сказал Дон, его лицо утратило юношеский интерес и на мгновение стало очень старым, после чего вернулось в обычное невозмутимое состояние.

— Приятно было с вами повстречаться, и я действительно это имею в виду, — сказал Дон, подчёркивая слово «действительно». — Всегда приятно, хотя и грустно, найти жемчужину в навозной куче.

— Простите?

— Это не шпилька в ваш адрес, хотя шпилька на гвоздик — вполне равноценная замена. Вам очень скучно.

— Что?

— Вам очень скучно.

— Скучно ли мне?

— Это не вопрос. Поднимите копыто и посмотрите.

Ковач задумался. Разговор неожиданно резко свернул от привычных небольших тем куда-то в густой непролазный туман чувств. Какое, к чёрту, копыто?

— Последняя неделя была довольно спокойной, — медленно, с сомнением в голосе ответил Ковач.

— Обычно я так не делаю, но... проклятый неоплаченный гвоздик. Вы местный?

— Да.

— В последние годы рядом ничего не построили? Новую деревню, дорогу?

— Лет семь назад появился мост новый в шести лье отсюда.

— А старый что?

— Говорят, тролли захватили.

— Серьёзно? — На мгновение лицо Дона снова озарилось интересом, но он продолжил: — Путешественников стало меньше?

— Ну да, пожалуй.

— Жена ушла когда?

— Лет... семь назад.

— Кузница, объединённая с домом, — редкий случай. Вы буквально живёте на работе, понимаете? Были востребованным мастером в деревне, которая когда-то стояла на проезжей дороге, иначе откуда опыт? Теперь она в стороне, все едут через новый мост. Жизнь остановилась, огонь в горниле угас, поэтому ушла жена. Вам хватает денег, но вы бросаетесь на каждый выпавший гвоздь. Вам нужно снова в дело.

— Да, но...

— В вашем возрасте ещё не поздно.

— Подождите...

— Вам очень скучно. Не эту неделю, а последние лет семь.

Изумлённый кузнец стоял, хватая ртом воздух, вены на его лбу пульсировали.

— Как вы это?.. — выдавил он наконец.

— Намётанный глаз, — ответил Дон.

— Но кто вы?

— Сказочник, — махнул рукой Дон, прощаясь.

Оставалось ещё одно дело, и, посетив ведьму, вскоре он вернулся к дому Рины. Два часа уже прошло, но девушка не выходила. Постояв на улице ещё минут пятнадцать, Дон вздохнул, легонько постучал в дверь и, дождавшись приглашения, вошёл. Рина убиралась в доме, в котором и так было пусто и чисто.

- Ой, что, уже? — спросила она Дона.
- Прошло два часа, — кивнул он.
- Но я не успела всё сделать.
- Например, что?
- Все обязанности по дому.
- Есть какой-то конкретный список?
- Нет, но...
- Как вы тогда узнаете, что всё закончили?
- Обычно к вечеру.
- Неудивительно, — буркнул под нос Дон.
- Что?
- Единорог или мытьё полов?
- Единорог.
- Берите свои вещи — и пойдём.

Рина собралась за пять минут, во второй раз попрощалась с отцом, который уже даже не скрывал своего недовольства тем, что Дон увозит дочь, как будто именно алхимик был виноват в её недуге, и путешественники отправились в дорогу.

— Мне кажется, вы чем-то расстроены, — сообщила Рина, отметив, что губы Дона сжаты чуть напряжённее, чем обычно.

- Неужели так заметно? Да, беседой с кузнецом.
- А что не так?
- Кажется, я наговорил лишнего.
- Понятно, — кивнула девушка.

РАЗВИЛКА

Рина остановилась и посмотрела на Дона. Дон остановился и посмотрел на Рину. Они вышли из деревни, дошли до первой развилки — и никуда не повернули.

— Почему вы остановились? — спросила Рина.

— А почему *вы* остановились? — спросил Дон, делая упор на «вы», а не на «почему», как его собеседница.

— Я остановилась потому, что вы остановились.

— А я — потому что вы.

Рина вспомнила, что, по мнению некоторых людей, Дон мастер дурить головы, а не решила сейчас об этом не упоминать.

— Вы шли, я шла за вами.

— Могу сказать то же самое.

— Но вы вели.

— Я сопровождал, — парировал Дон.

— Так куда мы идём? — спросила Рина.

— Мне кажется, я понимаю, о чём вы. Если я скажу «за единорогом», это будет похоже на издевательство. К тому же «за единорогом» — это ответ на вопрос «за чем?», а вовсе не «куда?». Я не знаю, куда идти за единорогом.

Рина стояла, подыскивая слова. Дон ждал.

— Что делать? — смогла она наконец выдать из себя.

— Это большой вопрос. Вы бы могли его как-то сузить?

— Как?

— Чтобы сузить большой вопрос, его надо развернуть. Скажите что-нибудь ещё.

— Как мы найдём единорога?

— Мне никогда не снился единорог в чужих избушках, поэтому я не знаю, какие шаги следует предпринять дальше. Подозреваю, что у вас такое тоже впервые, так что мы в равном положении.

— Но я думала, вы мне поможете.

— Не исключено.

— Так куда идти?

— Я не знаю.

— Какой от вас тогда толк? — сказала Рина и осеклась.

— Ещё один хороший вопрос! Думаю, я смогу быть полезен. Помните это эпическое «пиф-паф»? А мула? И в конце концов, пока мы вместе, вам спится спокойно. Этого мало? — спросил Дон, сделав жалобное лицо.

— Но...

— Мало? — Лицо Дона перестало быть жалобным и стало лукавым.

— Я ожидала большего... Но нет, подождите, это неправда. Я ожидала не для себя, то есть я от вас ничего такого не хотела.

Дон понимающе кивнул.

— Просто я думала, что вы не такой... Ой, это тоже неправильно звучит. Я думала, что вы можете больше, чем просто достать осла.

— Надеюсь, это не грубая лесть! Возможно, это ещё не вся польза, но единорога ищите вы, а я помогаю — вас устроит такой расклад?

— У меня разве есть выбор?

— Конечно.

— Например?

— Вернуться в деревню.

— Но это не выбор.

— Это выбор — возможно, не самый лучший.

— А что-нибудь ещё есть?

— Конечно! Например, вы можете решить, куда нам сейчас идти — направо или налево.

— Как же я могу это сделать?

— Как свободный человек.

Рина нахмурилась:

— Мне сложно! Неизвестно, куда ведут эти дороги!

— Обычно на развилках бывает камень с инструкцией: мол, направо пойдёшь...

Дон несколько картинно осмотрелся вокруг; было совершенно очевидно, что никакая это не развилка, а обычный перекрёсток, по которому ходит множество людей, и камень ему не положен по статусу.

— Направо пойдёшь — в лес попадёшь, налево — в город, — сообщила Рина, немного повеселев, сказки она любила. — Если до самого конца идти.

— Мы не побоимся пойти до самого конца, — подтвердил Дон. — А что ж тогда говоришь, что не знаешь, куда они ведут?

— Ну я же не в том смысле! Единорог-то где?

— Где его проще представить, в лесу или в городе?

Рина вспомнила, что Влад почему-то назвал единорога поганским. Это не особо помогло: всё становилось таким, если идти до конца. В самой глуши леса жили шумцы — существа, по выражению батюшки, поганые. К счастью, до их деревни они никогда не доходили; по крайней мере, Рина за свою жизнь так ни одного и не увидела.

Город тоже считался местом бесовским; торговать с ним разрешалось, даже особо приветствовалось торговаться, чтобы, значит, им поменьше доставалось, а нам побольше, но праздно посещать город было делом позорным.

Следующие дни Рина держала ушки на макушке, смотрела спутнику в рот и всячески изображала пустой сосуд, готовый вместить чужую жизненную мудрость, но почему-то

ничего не происходило. Обычно это случалось гораздо быстрее: любой мужчина, который ей попадался, как только видел, что Рина готова слушать, открывал рот и рассказывал о себе всё, начиная с самого впечатляющего и заканчивая самым постыдным. Дон, однако, излить душу не собирался, но, истолковав подобострастное поведение девушки как-то по-своему, внезапно сказал:

— Предлагаю перейти на «ты».

— А вы хотите?

— Ну я же зачем-то это предлагаю, — улыбнулся Дон. — Я не люблю, когда ко мне обращаются на «вы», а вы?

— Я к этому не привыкла, и ты первый, кто ко мне так обращался.

— Тогда что нам мешает называть друг друга на «ты»?

— Думаю, что ничего, — улыбнулась в ответ Рина.

Спутники шли вдоль бесконечных полей пшеницы, по которым то и дело на ветру пробегали золотистые волны. Зрелище вдохновляло и успокаивало, но рано или поздно должно было наскучить. Рина забралась на Фёдора и впала в полудрёму, не забывая, впрочем, вежливо кивать редким встречным путникам.

Наконец девушка окончательно провалилась в сон. Ей снилось, что она находится среди огромного количества людей, где-то в большом модном доме, и является там главной, что-то вроде королевы.

Царство собралось выпустить новую коллекцию гвоздей, и принять решение, что пойдёт в серию, должна была она. Кланяясь, придворные подносили ей на красных бархатных подушечках новые образцы: гнутые, верчѐные, колечками и зигзагами.

— Это всё не то! — недовольно морщилась Рина, и сон начинался с самого начала.

Солнце медленно садилось, а поля всё не кончались. Наконец впереди показался небольшой перелесок.

— Там можно переночевать, — указал Дон рукой в сторону деревьев, — не топтать же поля.

Пока Дон готовил стоянку, Рина обошла всё вокруг и нашла приличное количество грибов с ягодами, из которых на костре соорудила некое блюдо с ягодным соусом.

Когда стемнело, Дон достал соль, рассыпал её вокруг лагерь и сообщил:

— Всё, можно спать.

Рине, успевшей подремать днём, было не до сна. У неё накопилось много вопросов, о чём хотелось бы узнать, но разговоры с Доном по-прежнему не клеились, даже после перехода на «ты». На корректно сформулированный вопрос Дон давал исчерпывающий, но лаконичный и словно издевательский ответ, а услуга по использованию исчерпывающей лаконичности Дона записывалась ей на какой-то невидимый счёт в виде растущего со временем долга — так, по крайней мере, Рине казалось.

Возможно, её излишнее любопытство Дона тяготило, но, поразмыслив, Рина решила, что упрекнуть своего спутника в том, что он нехотя открывал рот, всё-таки нельзя. Продолжив размышления, Рина пришла к выводу, что Дон хоть и болтлив порой, но старается «не говорить лишнего». Девушка помнила, как он расстроился из-за случая с кузнецом, но что такое «лишнее», она не знала.

Ей хорошо было известно то облегчение, которое наступает, когда даёшь человеку полностью выговориться. На вопрос «Что не так?» отец сначала надувался, словно увеличиваясь в размерах, потом долго и в подробностях рассказывал о своих тревогах, постепенно теряя объём и обмякая, а потом и вовсе спокойно шёл спать — подобные разговоры обычно случались за ужином, в конце рабочего дня.

Также ей было известно и что такое помалкивать: когда у отца дела шли совсем плохо, лучше было вести себя тише воды. Это, конечно же, совсем не похоже на «не говорить лишнего».

Дон тоже не спал, он сидел у костра и выкладывал в виде разных узоров карты, добытые у разбойников. Рина подо-
двинулась ближе и спросила:

— Что это?

— Это Ккхи.

— А что такое Ккхи?

— Это такие деньги.

— И кто ими вообще пользуется?

— Ккхи.

— Ккхи пользуются Ккхи?

— Да, они. — Казалось, Дону нравилось её замешательство. — Ккхи — это одновременно и способ торговли, и валюта, и торговцы, и стиль жизни, который они ведут, если его можно так назвать.

— Они ценные?

— Ккхи не имеют объективной ценности. Всё зависит от того, как у тебя получится сторговаться.

— А можно их посмотреть?

— Конечно, я как раз изучаю, что удалось добыть.

Ккхи были похожи на игральные или гадальные карты — небольшие плотные прямоугольники, но вместо понятных рисунков на них было наслоение хаотичных деталей, выдающее вмешательство разума. Картинка не выглядела природной, как рисунок древесной коры, но и в понятные образы или симметричные узоры тоже не складывалась.

— Не надо рассматривать каждую линию на карте, постарайся увидеть изображение целиком.

— Как?

— Не мельтеши. Сядь, расслабься, направь взгляд как будто сквозь карту.

Рина заелозила, усаживаясь удобнее, и замерла, пытаясь «не мельтешить».

Несколько секунд ничего не происходило, потом цветной фон равномерно поплыл, как рисунок из множества веточек, находящихся на дне тихого ручья. Вода прибывала,

а дно уходило всё ниже и становилось всё темнее. Что-то неуловимое начало всплывать наверх из самых глубин Рины, наслоение деталей сложилось в нечто понятное и очень простое.

Золотая волна пробежала по картам, и вместо чёточек проступили светящиеся рисунки. Некоторые карты оказались тусклее, чем другие, некоторые и вовсе были тёмные, без изображений.

Пытаясь получше разглядеть очередную картинку, Рина судорожно впилась в неё взглядом, вздрогнула — и тут же всё рассыпалось и стало безжизненным нагромождением полос. Девушка жалобно и растерянно посмотрела на Дона.

— Второй раз проще, — подбодрил он.

Рина снова расслабилась и постаралась увидеть картинки. На этот раз они всплыли гораздо быстрее, но некоторые карты продолжали оставаться тёмными.

— Что ты видишь? — поинтересовался Дон.

— Вот здесь скошенная пшеница, здесь человек сеет зёрна, здесь птица клюёт жука, чтобы тот не съел запасы.

— Прекрасно! — чему-то обрадовался Дон и широко развёл руками. — Сцены из сельской жизни.

Широкий жест Дона, видимо, подразумевал поля вокруг, хотя путешественники и находились в маленьком перелеске.

— Впрочем, я зря так поспешно обобщил, — тут же поправил он себя.

— Это всё про пшеницу, — подсказала Рина.

— Да, можно объединить и по этому признаку.

— И кто-то использует их как деньги? — удивилась девушка.

— Конечно, это же волшебные карты! — сказал Дон и подмигнул.

Рина недоверчиво посмотрела на него, пытаясь понять, шутит он или нет.

— Мастерски сделанная вещь. Очень! — Дон цокнул языком. — Так мастерски, что даже не верится. «Достаточно

развитая технология неотличима от магии». Ты же видишь пустые карты?

— Тусклые?

— Да, их. Возьми одну и зажми между ладонями. И снова постарайся не мельтешить. Теперь подумай... Впрочем, нет, не думай. Представь, чем можно дополнить этот ряд. Ты хорошо переносишь боль?

— Что?

— Я совсем забыл! — поспешно выкрикнул Дон.

— Ой! — вскрикнула Рина и выронила карту.

На её ладони проступила капелька крови.

— Прости, иногда просто не успеваешь рассказать всё! Хочешь, я покажу тебе, какие Ккхи волшебные? Будет немного больно, но оно того стоит, — выпалил Дон. — Хотя, конечно, теперь-то что уже — поздно! Смотри.

Рина подобрала упавшую карту и обнаружила, что на ней появился рисунок в тех же золотисто-солнечных лучах, что и картинки с пшеницей. Теперь на нём женщина кормила грудью ребёнка, нежно прижимая его к себе, и во всём этом было что-то очень знакомое.

— Мне кажется, я помню этот момент! — после недолгого замешательства удивилась Рина.

— Какой момент?

— Как мама... кормила меня грудью! — смутилась девушка.

— Там изображено это?

— Ну да! — сказала Рина и поднесла карту к самому носу Дона, чтобы он рассмотрел.

— Хм, — сказал Дон.

— Это... удивительно, — произнесла Рина с восторгом в голосе. — Значит, здесь можно записывать свои картинки!

— Нет, это ещё не всё. Можно записывать свои картинки, ты права. Но каждый воспринимает их по-своему.

— Как?

— Ну, например, я не вижу тут тебя и маму, я вижу...
вскармливание.

Рина помолчала и спросила:

— И для кого-то это ценно?

— Это может быть... *информативно.* Когда-нибудь мы доберёмся до Ккхи, и я расскажу подробней. Потом.

— Откуда ты знаешь, что это случится?

— Помимо законов драматургии? Это несложно, смотри!

Дон выложил картами на земле простенький рисунок, чёточки на картах вздрогнули и равномерно поплыли в одну сторону.

— Ближайший Ккхи — вон там, — показал Дон в ту же сторону. — Направление указывает... хм... направление — удивительно, правда? Скорость движения — расстояние до другой ближайшей колоды. Совершенно случайно мы идём как раз туда. А теперь — спать. Там в мешке есть неплохой походный плащ, не желаешь в него завернуться?

— Желаю, — ответила Рина с улыбкой.

Быстро укутавшись, Рина легла неподалёку от костра. Где-то вдалеке стрекотали цикады. Дон медленно собирал карты по одной, каждый раз делая минутную паузу и всматриваясь в узоры. В одну из таких пауз Рина и заснула.

ТРОЛЛИ

- Что, опять? — вздохнула Рина.
- Да, развилка, — подтвердил Дон. — Второй раз проще.
- Что будем делать?
- Направо — мост, налево — мост. Налево дорога короче, но там тролли.
- Как? Настоящие? Правда?
- Надеюсь, — улыбнулся Дон.
- Идём направо, чтобы поскорее попасть в город! — деловым тоном сказала Рина.
- Дон пожал плечами.
- Что не так? — Девушка почувствовала, как ей показалось, лёгкое разочарование.
- Тебе неинтересны тролли?
- Очень интересны, но я думала, мы в город.
- Город никуда не денется, а тролли... Впрочем, они тоже не убегут. Тебе нужна причина, чтобы посмотреть троллей? Неужели не любопытно?
- А они нам помогут?
- Ну как же. Единорог — существо сказочное, тролли — тоже. Совпадение?
- К троллям? — просияла Рина.
- С другой стороны, мы ищем статуэтку единорога, а это уже вещь обыденная, и она ещё не сам единорог — вероломство образов, вот это всё. Не думаю, что тролли разбираются в скульптуре.
- Значит, не идём к троллям? — не поняла Рина.

— Мы можем прийти в город и ничего там не найти, а можем потратить лишний день на троллей и не найти ничего и там тоже.

— Я не понимаю.

— Мы не идём к троллям потому, что торопимся в город?

— Ну да.

— А мы и правда спешим?

Бесконечные поля пшеницы всё-таки оказались конечными — и прекратились. Местность вокруг с каждым шагом становилась всё более каменистой и высохшей. Постепенно дорога вывела путешественников к глубокому пустынному ущелью, через которое был переброшен поржавевший раздвижной мост, две половинки которого застряли в полувыдвинутом положении.

Безжалостно палило солнце, нагревая металл конструкции, как сковородку. Здесь совсем не было тени, если не считать пары жухлых деревьев футах в шестидесяти от ущелья, которым тоже изрядно доставалось от солнца.

— И где же они? — спросила Рина.

Дон обошёл мост со всех сторон и обнаружил тоненькую, едва заметную тропинку, сбегаящую змейкой вниз, к небольшой площадке со входом в пещеру. Не став спускаться, Дон поднял с земли камень и несколько раз громко стукнул по мосту.

Послышался шорох, и из дыры выползли два сонных лохматых существа. Ростом на голову ниже Рины, они были похожи на бородатых старичков, только растительность покрывала всю поверхность их тела и была, скорее всего, шерстью, нежной пушистой шерстью белого цвета. Один из них оказался толстоват — по крайней мере, относительно другого, второй — более лохмат, опять-таки относительно первого. Лохматый расплылся в благодистой улыбке:

— Са'аш, у нас гости!

— Гости, Ми'иш! — эхом отозвался толстенький и тоже просиял.

Существа смотрели на путников, демонстрируя ровные зубы. Рина бросила взгляд на Дона — тот скалился в ответ и молчал.

— Вы тролли? — наконец поинтересовалась Рина.

— Мы хранители моста, — не теряя улыбки, ответил Са'аш.

— Нам бы на другую сторону перебраться. Что для этого надо?

— О, это просто! С вас два су.

— С каждого, — добавил Ми'иш и удостоился укоризненного взгляда напарника.

— Мула считать? — шутливо поинтересовался Дон.

— Можно не считать, — ответил Са'аш, щедро махнув рукой.

Рина посмотрела на Дона — тот продолжал улыбаться троллям и платить не собирался. Она подошла к Фёдору, достала четыре су и протянула Са'ашу.

Троль взял деньги и торжественной походкой проследовал к краю моста, где на вкопанной в землю трубе висела ржавая железная коробка с прорезью. Са'аш спустил в неё все четыре монеты, которые с затухающим грохотом одна за другой долго катились куда-то вниз, как будто к самому дну ущелья.

— Всё! — с помпой объявил Са'аш.

Ничего не происходило. Дон всё так же рассматривал троллей, а Рина начинала волноваться. Только она собралась раскрыть рот, как что-то щёлкнуло — и половина моста дрогнула, осыпая дно ущелья облаком ржавчины и пыли. Несколько мгновений спустя раздался ещё один щелчок — и в воздух поднялось второе облако пыли и принялось медленно оседать вниз. Потом — ещё одно. И ещё.

— Что происходит? — с тревогой спросила Рина.

— Мост сходится, — пояснил троль.

— Как-то не очень заметно!

— Я понимаю ваше нетерпение! — участливо заметил Ми'иш. — Но это долгий естественный процесс, и мы не в силах ускорить его. Очень старый мост.

— Что же делать?

— Придётся подождать несколько часов, — подтвердил Са'аш. — Вы сильно расстроены?

— Я? — удивилась Рина. — Вовсе нет!

— Вы, — кивнул Са'аш и посмотрел на Дона. — И вы.

— Мы скорее заинтересованы мостом, чем расстроенны, — сознался Дон. — Раньше не видел подобного механизма. А на что идут деньги?

— На содержание моста, — отмахнулся Са'аш, — чтобы не сильно проваливался.

— Вы не возражаете, если я его осмотрю?

— Коли вам это интересно, то пожалуйста, — пожал плечами Са'аш. — Наша работа здесь окончена.

Дон отвёл Фёдора под деревья — в тень, её как раз едва хватило на одного мула, легонько хлопнул его по боку — мол, дружище, не страдай — и полез в сумку. Тролли дружелюбно помахали на прощание руками с длинными когтистыми пальцами и стали спускаться по тропинке вниз. На полпути Са'аш обернулся и невзначай поинтересовался у Рины:

— Не хотите ли зайти в пещеру? Там прохладно.

Рина снова посмотрела на Дона, а тот опять выглядел совершенно безучастным к происходящему, ковыряясь в своей сумке. По его виску стекла капелька пота и проскользнула под воротник.

Девушка согласно кивнула Са'ашу и пошла вслед за троллями. Пещера была обставлена очень уютно — насколько это слово вообще применимо к дыре в скале. Там даже были диван, кресло и два стула, что поначалу удивило Рину. Дальний угол был оборудован под кухню со столиком и миленькой жёлтой скатертью. Вход закрывали несколько

слоёв тонких штор, создающих надёжную завесу от палящего солнца. Полумрак дополнял и завершал ощущение уюта.

— Не желаете ли чаю? — предложил Са'аш.

— Желаю, — кивнула Рина.

Са'аш занялся приготовлением напитка, Ми'иш указал на диван и сел в кресло напротив. Привычная благостная улыбка вернулась на его лицо. Рина не сдержалась и тоже засияла.

— Куда путь держите? — поинтересовался Ми'иш.

— В город.

— О, вам там обязательно понравится!

— Вы там были?

— Нет, что вы, у меня просто такое чувство. А вы были?

— Тоже нет.

Сначала Рина отвечала из вежливости — неприлично же сидеть в чужой пещере и молчать, — но довольно быстро завязалась милая беседа. Са'аш принёс готовый чай, разлил на всех и тоже сел рядом. Девушка рассказала о проблемах со сном и хотела сразу же перескочить к единорогу — в надежде, что, может быть, тролли что-то знают, но Ми'иш мягко сказал, что торопиться некуда и ему интересно всё с самого начала.

— Должно быть, это очень изматывает — вот так не спать, — сочувственно произнёс он.

— Да, очень, — подтвердила Рина, обрадованная тем, что кто-то наконец оценил её страдания.

— А что, отец не замечал?

— Сначала нет.

— Вас это расстраивало?

— В каком смысле? — не поняла Рина. — Это же отец. У него свои дела, он занят в кузнице.

— Вы бы хотели, чтобы папа знал, как вам тяжело? — проникновенно спросил Са'аш.

— Конечно, хотела бы.

— Как бы вы ему об этом сказали? — вкрадчиво продолжал тролль.

— Что значит «как»? — смутилась Рина. Она много говорила с отцом. Вернее, он много говорил, а она слушала.

— Ну, представьте, что он сейчас здесь. Вот, например... — Са'аш огляделся по сторонам. — Вообразите, что вот этот стул и есть ваш отец. Что вы ему скажете?

— Стулу? — сделала большие глаза Рина.

— Вашему отцу, — мягко поправил Са'аш.

— Я ему скажу, что...

— Нет-нет, говорите сразу ему! — приглашающе улыбнулся Са'аш и указал на стул.

Рина робко попробовала что-то сообщить стулу и, обнаружив, что тот никак не реагирует, но зато и не отмахивается, продолжила говорить дальше.

Стул не перебивал.

В голосе Рины начали проскальзывать обвиняющие нотки. Она готовит еду, убирает дом, выслушивает жалобы отца на его бесконечные проблемы в кузнице, а сама валится от усталости — и папа понял, что её состояние серьёзно, только тогда, когда она начала терять сознание!

Са'аш ликовал:

— Вот видите, вы всё-таки сердитесь!

— Пожалуй, и правда, я немного раздражена. Но разве так вообще можно?

— А почему нет? — удивился Са'аш.

— Отец так много для меня делает. Растит меня один, без матери, работает не покладая рук, печётся о моём благополучии. Ну подумаешь, не заметил, что я бледная, уставшая, он разве всматриваться должен?

— Так ты, выходит, неблагодарная скотина, раз сердишься? — с ужасом воскликнул Са'аш, всего несколько мгновений до этого сочувствовавший девушке.

Попадание было очень меткое.

— Я... я... — растерялась Рина.

Дыхание перехватило. «Откуда они знают *правду?*» — кольнула в самое темечко мысль, и голову словно сдавили огромные тиски. Именно так, неблагодарной и избалованной, она ощущала себя время от времени, но всеми силами старалась убедить себя и других в обратном, пытаясь быть почтительной, заботливой и угождающей.

— Нет! Нет! Не держи в себе, — поспешно крикнул Са'аш. — Пусть это всё выйдет, не держи в себе! Расскажи нам, какая ты неблагодарная тварь.

— Но я...

— Говори! — рявкнул Ми'иш, потом смягчился и добавил: — Мы же просто хотим тебе помочь.

Рина разрыдалась.

Са'аш тут же бросился обнимать и утешать. Рина уткнулась в мягкую белую шерсть на его груди и разрыдалась ещё громче. Проплакавшись, девушка подняла голову и обнаружила, что к её мокрой щеке прилип клочок шерсти Са'аша.

— Ой, простите, — пробормотала она, попыталась вернуть шерсть обратно, но, поняв, что это невозможно, сунула её себе в карман.

Са'аш едва заметно подрагивал, но Рина совсем не обратила на это внимания и, немного успокоившись, продолжила:

— Я же хотела спросить про единорога!

— А что же твоя мама? — не заметил вопроса Са'аш.

— Моя мама?.. Нет, подождите, я хотела про единорога.

— Одна с отцом живёшь? — нетерпеливо повторил Са'аш и дёрнулся сильнее обычного.

Рука девушки всё ещё лежала на плече Са'аша, и, когда тролль вздрогнул, Рина от неожиданности отпрянула. На ладони осталось несколько прилипших шерстинок, девушка поморщилась и незаметно вытерла руку о диван.

— Перестань! — зло сказал Ми'иш. — Она хочет спросить про единорога, это тоже может быть интересно.

— Но ведь...

— Да тихо ты! Простите его, — обратился Ми'иш к Рине. — Он ещё очень молод и близко к сердцу принимает чужие страдания. Переволновался, с кем не бывает.

— С кем не бывает, — повторила Рина.

— Он сопереживает!

— Сопереживает, — опять повторила девушка.

— Вот и хорошо. Так что единорог?

Рина пересказала сон про фигурку и обстановку избушки, упомянув вкратце о своём знакомстве с Доном.

— Это чрезвычайно интересно, — напыщенно сказал Ми'иш.

— А этот Дон... — попытался встрять Са'аш.

— Я тоже хочу поговорить! — осадил его Ми'иш. — К тому же девушка ищет ответы!

— А они у вас есть? — обрадовалась Рина.

— Конечно, — важно сказал Ми'иш. — Через нас знаешь сколько путешественников прошло!

— Так вам известно, где найти единорога?

— А как он вообще тебе поможет?

— Я... не знаю. Но Дон сказал, что мы должны пойти искать единорога.

— И он не сообщил, что всё это символизирует?

— Символизирует?

— Бедное глупое дитя! Не может же это быть просто фигурка. Единорог — это, по сути, животное дикое, необузданное. Рог — это пронзающее оружие, протыкающее, проникающее, символ мощи и задора, то есть фаллус.

— Что?

— Фаллус. Взяв фигурку, ты поранилась и выронила её — иными словами, тебе и хочется и колется. В твоей жизни вообще мужчины, кроме отца, были?

— Я...

— О, не трудись отвечать, — раздувался Ми'иш, потирая руки, — до инцестуальных мотивов мы ещё дойдём! Этот Дон со своим бластером посреди сказки. Оружие помощнее

рога, фаллус, трусливо отсиживающийся в кобуре. Тебе не кажется, что он от тебя что-то прячет? Что ты там хотел узнать про Дона, Са'аш?

— Тебе известно, что ему от тебя надо? — подключился второй тролль. — Ой, не уберезёт отец своё сокровище!

На мгновение Рина очнулась и обнаружила, что давно уже сползла с дивана и сидит на полу, обнимая колени руками.

— Дон! — прошептала она.

— Я разобрался, в чём дело, — сказал Дон, вовремя возникший в дверях, как бог из машины.

Он вошёл в пещеру, отодвигая шторы локтями, чтобы не запачкать, в руках у него были комки чего-то чёрного.

— У вас всё хорошо?

— Мы просто разговариваем, — чинно сказал Ми'иш.

— Не очень-то похоже, — бросив быстрый взгляд на Рину, оценил обстановку Дон. — Давайте-ка прольём здесь немного света.

Он отбросил чёрные сгустки и грязными руками сорвал шторы. В пещеру хлынули лучи солнца, и Рина наконец заметила, что, пока они сидели и общались, шерсть клочками слезала с троллей, обнажая зелёную кожу и противные зубастые морды, покрытые бородавками, и теперь недвижимо висела в пространстве пещеры гигантскими нитями. Послышался визг, тролли заметались, натываясь друг на друга и поднимая в воздух ещё больше шерсти, которая пришла в неторопливый круговорот. Запахло жареным мясом: обнажённые участки кожи, на которые попадало солнце, начинали дымиться. Наконец троллям удалось найти на кухне тёмный угол и забиться туда.

— Что здесь было? — спросила Рина, поднимаясь с пола.

— Я не знаю, ты расскажи, — сказал Дон.

— Мы просто разговаривали, а потом они стали задавать разные вопросы, им было интересно про мою жизнь, и они хотели помочь.

— Помогли?

— Мне стало страшно. Я ничего не понимаю, я запуталась!

Лицо Рины скривилось, нижняя губа начала подёргиваться.

— Так, стоп, — твёрдо сказал Дон. — Это тролли. Они питаются слезами маленьких девочек. Не корми троллей.

Он подобрал с пола комки и показал Рине:

— Шерсть. Чёрная от смазки. А вообще, — он взял одну волосинку и протянул через сложенные вместе указательный и большой пальцы, очищая, — она белая. Ей были забиты шестерёнки моста, поэтому он так медленно выдвигался. Я вытащил самые большие куски, этого было достаточно, мост сведён, и мы можем идти. Если вы не возражаете, я помою руки, — обратился Дон к троллям, проходя на кухню. — Бестактность за бестактность, уж простите.

Тролли молчали. Дон использовал остатки воды и вытер руки о скатерть, полностью её испортив.

— Сделай им «пиф-паф», — зло сказала Рина.

— Нам ничто не угрожает. В этом есть и моя вина: оставить тебя одну с троллями было довольно неосмотрительно, хотя я и не сразу понял, какие именно это тролли. С другой стороны, я тебе не нянька. Впрочем, достаточно сожалений. Вы договорили? — спросил Дон, обращаясь ко всем участникам беседы.

Тролли молчали. Рина обиженно спросила:

— Так ты ничего с ними не сделаешь?

— Зачем?

— Ну... наказать.

— За то, что ваше общение не сложилось?

— Ты же сказал, что они питаются слезами маленьких девочек.

— Я переоценил твой размер, — сознался Дон.

— Так они же плохие!

— Прежде всего, тролли не люди, хотя и похожи. Было бы опрометчиво судить их людскими мерками. Впрочем, зачем останавливаться здесь? Как будто людей можно судить по этим меркам! Вот, например, Влад — человек. Плохой ли он?

— Плохой, — уверенно сказала Рина.

— Ну привет, я всё-таки участвую в разговоре о добре и зле, — развёл чистыми уже руками Дон, — да ещё практически над трупами поверженных врагов. Если у тебя есть претензии к троллям, то давай не прятаться за «плохое» и «хорошее». Ребята, помогите девушке определиться с чувствами в отношении вас, — обратился он к троллям, загораживая своим телом солнце и увеличивая тень на кухне.

Са'аш неуверенно посмотрел на Дона и сказал, обращаясь к Рине:

— Ты чувствуешь обиду?

— Да ещё какую! — вспыхнула девушка.

— Тебе кажется, что мы тебя обманули? — проникновенно сказал тролль.

— Ещё бы! Я думала, вы хотите мне помочь.

— А Дон тоже хочет тебе помочь? — вставил Ми'иш.

Рина снова почувствовала, что пол пещеры уходит из-под ног.

— Ой, молодцы, — засмеялся Дон, аккуратно подхватывая девушку под локоть и одновременно делая шаг в сторону, снова открывая солнечным лучам доступ к троллям. Значит, ты обижена и тебе хочется отомстить троллям, а не наказать их. Я на них не зол, поэтому порча скатерти меня вполне устроила! Скорее, раздосадован, что переоценил твою самостоятельность, но это не повод для самоистязаний. Реши, что вернёт тебе чувство справедливости, сделай это — и пойдём.

— Я?

— А кто тут пострадавший? И мне кажется, ты вполне дее-способна. Кстати, так и не спросил: ты-то хороший человек?

Са'аш тихо, но довольно хрюкнул в углу. Подумав какое-то время, Рина подошла к троллям и сказала:

— Отдайте четыре су.

* * *

Путники перешли мост, и местность вокруг постепенно становилась всё более и более зелёной. Складывалось ощущение, будто кто-то выжег или выел всё живое вокруг моста, и теперь природа возвращалась обратно. Фёдор увидел траву и начал плавно сворачивать с дороги. Дон, заметив это, замедлился и дал животному поесть.

Рина сидела верхом и о чём-то усиленно размышляла.

— Тебя не волнует, что произошло? — поджав губу, поинтересовалась она.

— Пожалуй, нет, — задумался Дон. — Спасибо, что спросила.

— Ты не хочешь об этом поговорить?

— Ах вот оно что! Так и говори: «Я хочу поговорить».

— Ну а ты-то как?

— Я всегда готов поддержать разговор.

— Что не так с троллями? Почему ты мне помогаешь? Почему мы ищем именно единорога? Добро и зло ещё это. Ну и наконец, что такое фаллус? — выпалила Рина одним махом, получив разрешение.

— Так много вопросов! Можно подумать, что тролли — просто садисты и им нравится, когда другой человек испытывает боль. У троллей нет собственной эмоциональной жизни, и они «торчат» на чувствах, присасываясь к другим, но не могут ничего дать взамен, потому что нечего — кроме перехода через мост, метафорически говоря, хотя он им тоже не принадлежит. Чтобы получить эмоции от людей, их надо сначала расшевелить, что тролли умеют делать прекрасно. Видишь, тебя растормошили — и сколько сразу вопросов появилось! Троллям интересен сам процесс дёрганья за ниточки души, им кажется — возможно, совершенно

справедливо, — что это и есть сама жизнь, которой им так не хватает.

— Так они не питаются слезами девочек?

— Думаю, радость их тоже устроит, но слёзы вызвать проще.

— Они выглядели такими милыми, а оказалось, что обманывают. Что, теперь никому нельзя верить?

— Я бы сказал, что доверять можно тому, с кем ты предварительно договорился, до тех пор, пока он тебя не подвёл. По крайней мере, при нарушении контракта обман будет очевиден.

— А как же доброта? Ты не веришь в доброту?

— Верю, но ещё больше — в честность. Если человек (или тролль) и добр, и честен, то с ним можно прекрасно пообщаться и выяснить, на каких это, собственно, основаниях его благорасположение вдруг снизошло именно на тебя.

— Но есть же просто доброта, наверное.

— Есть, есть. Бывает мотив что-то давать и не просить взамен. Если он приемлемый, это называется доброта.

— А ты добрый?

— Думаю, что нет, — пожал плечами Дон.

«Как же так?!» — пронеслось в голове у Рины. Девушка собралась уже было запаниковать, но вспомнила о важном уточнении.

— А честный? — спросила она.

— Думаю, что да.

— Ну хорошо, раз так, то что тогда тебе от меня нужно?

— Твоё активное участие в поисках.

— Я имею в виду, зачем ты мне помогаешь? Если ты мне действительно помогаешь, конечно!

— У меня контракт с отцом.

— Какой?

— Не могу этого сказать.

— А как же твоя честность?

— Это наше с ним дело, — пожал плечами Дон.

- Деньги?
- Нет.
- У отца больше ничего нет. Кузница?
- Зачем она мне?
- Ну... продать.
- Тогда это тоже деньги.
- Больше у него ничего нет.
- Ну а, например, душа?

— Пф-ф, — изобразила недоверие Рина, но на всякий случай ещё раз окинула взглядом Дона. На дьявола её спутник всё-таки не тянул. — Ты можешь взять плату с отца за проход через мост, метафорически говоря, а на самом деле хотеть ещё что-то от меня, — предположила девушка, повернув оборот «метафорически говоря», как ей показалось, к месту.

Дон хмыкнул, заметив расширение словарного запаса попутчицы, и спросил:

- А что у тебя есть?
- Ну, я девушка, — смутилась Рина. — А ты — мужчина.
- Так.
- Ну вот.
- Я не очень понимаю.
- Ой, да всё ты понимаешь! Всякие... непотребства.
- Непотребства, — мечтательно повторил Дон и замолчал.

— Я тебе нравлюсь? — поинтересовалась она после долгой паузы.

- Да.
- Я тебя привлекаю? Как женщина, — решила уточнить Рина.
- Да, ты довольно мила. Как женщина.
- Но ты честный мужчина и не воспользуешься?
- Господи, из какой деревни... — начал Дон, но осёкся. — Какие вообще могут быть основания верить человеку,

который утверждает, что он честный, если суть сомнений именно в этом?

— Я не понимаю.

— Ты мне не веришь. Я говорю, что я честный. Почему ты должна в это поверить?

* * *

— Почему единорог?

— Заткнись и иди.

Ей шесть. Мама умерла четыре года назад, но «шесть» и «четыре» — ничего не значащие узелки в клубке шерсти. Она стоит на площади и смотрит сверху вниз на отца. Почему-то не осталась дома.

— Почему ты не осталась дома?

Рина, насупившись, молчит.

— Раз снова увязалась — значит, заткнись и не мешай. Я покупаю нам продукты на неделю. Впрочем, нет. Возьми... Хотя стой, деньги я тебе не дам. Помнишь, где я в прошлый раз сидр брал? Попроси бутылку, скажи, чтобы записали на мой счёт. Не разбей.

Вздохнув, Рина плетётся на другой конец площади, к прилавку с бутылками, от которого постоянно пахнет гнилыми яблоками.

— А почему единорог?

Рина бредёт вдоль рыночных рядов, едва переставляя ноги. Дон, шаг которого больше шага девочки раза в три, и вовсе как будто стоит на месте. Он вздыхает и отвечает:

— Когда-нибудь придётся тебе объяснить разницу между буквальным и символическим. Почему бы не сейчас? Что такое единорог?

— Животное.

— Какое?

— С одним рогом.

— Слишком буквально.

Рина проходит прилавок с колбасами, останавливается

и начинает рассматривать их странную форму — и тут же представляет, что это нечто живое, сдавленное обручами, но рвущееся наружу. Если бы не эти верёвки...

— Единорог, — напоминает Дон.

— Ах да. У него один рог, — выдавливает из себя Рина, продолжая глазеть на колбасу.

— Это самоочевидно. Какой он?

— Сказочный.

— Уже лучше. Сказочный — это какой?

Следующая остановка — прилавок стекольщика. Бутылки похожи на толпу. Вот эта — потолще и с пузиком, эта — верзила, а вон та — бабка формой и размерами как тумба. Все такие разные.

— Но все одинаково полые внутри, — раздаётся над ухом голос Дона.

Рина вздрагивает, вспоминает про единорога и оборачивается — рядом никого нет. Показалось. Сложно понять, откуда идёт запах яблок — от прилавка, бутылок или от продавца.

— Папа просит бутылку сидра. Запишите на счёт.

— Рина, — узнаёт её торговец, — что-то твой отец сдаёт. Как бы спиваться не начал. Но какая славная девушка у него растёт, помощница. Присматривай там за ним. А сидр — на, возьми, конечно.

Рина берёт бутылку и тащится обратно так же медленно, но уже не потому, что глазет по сторонам, а потому, что не спускает взгляда с бутылки — как бы не разбить.

Она проходит мимо прилавка с тканями, не глядя на узоры и не трогая текстуру; мимо прилавка со специями, стараясь не вдыхать воздух, не отвлекаясь от запаха тухлых яблок, постепенно заполняющего площадь, не гадая, какая специя пахнет какой дальней страной и какие люди могут там жить. И не только люди.

Единорог.

Рина останавливается и обводит глазами площадь, ища Дона. Пока она крутится, глядя по сторонам, кто-то налета-

ет на неё: «Смотри, куда прёшь!» — бутылка падает из рук и, оправдывая предсказание отца, разбивается.

Не став дожидаться, пока её выпорют, Рина просыпается и оглядывается вокруг.

Фёдор спит стоя, привязанный к дереву, — Дон снова нашёл небольшой лесок, чтобы остановиться на ночёвку. Костёр погас, но непонятно, зачем было вообще его разводить, кроме как для того, чтобы сжечь опавшие ветки; ночь была тёплой, а сухой паёк на ужин не требовал подогрева. Сам Дон лежал рядом с кострищем, обнимая сумку, и спал. Рина змейкой подползла к нему поближе, ткнула рукой в бок.

— М-м-м? — Открыв один глаз, Дон посмотрел на Рину.

— Единорог редкий, не из этого мира, необычный — у него один рог, а не два, как у всех. И дело не в роге. То есть дело, конечно, в нём, но не как в предмете. Рог острый, длинный, находится впереди... Ой, кажется, я поняла про фаллус!

— М-м-м, — одобрительно промычал Дон и снова закрыл глаз.

— И мы ищем не его, это было бы слишком... слишком...

— Буквально.

— А оно такое... «Метафорически говоря», да?

— Ага.

Рина облегчённо выдохнула и мгновенно уснула, улыбаясь.

В ТАВЕРНЕ

По левой стороне дороги обозначился съезд и показался довольно крупных размеров посёлок. Дон предложил свернуть, найти таверну, пообедать (или, скорее, поужинать), переночевать и даже принять ванну «в этом скромном оазисе цивилизации». Рина согласилась.

В поисках постоянного двора путешественники упёрлись в толпу.

— Только сегодня и завтра! Уникальное представление! Дикий человек-ящер и его чудесное укрощение! Настоящий, не голограмма, не папье-маше. Три су с каждого зрителя, набираем сотню — начинаем шоу! Желающие найти подвох смогут бесплатно посетить клетку зверя! Сохранность не гарантируется!

Посреди базарной площади стояла длинная низкая телега, возле неё — разборные передвижные подмости, на каких обычно дают представления бродячие артисты. Рядом нарезали круги двое: смуглый мужчина прекрасно поставленным голосом зазывал толпу, размахивая тростью, а темнокожая женщина подносила к каждому новому зевাকে перевёрнутую шляпу, пытаясь собрать деньги на представление. Оба были одеты в белые просторные рубахи, сохранившие свою чистоту в условиях странствий не иначе как чудом, заправленные в облегающие брюки, которые подчёркивали длинные стройные ноги как мужчины, так и женщины.

На сцене стояла огромная клетка, похожая на ту, в которой возят заключённых, накрытая плотной тканью, прячу-

щей от любопытных глаз всё, кроме полоски в одну кабду внизу — там накидка заканчивалась, словно штаны не по размеру, намекая на нечто массивное и живое, лежащее на полу.

— Что тут происходит? — шепнула Рина.

Дон пожал плечами, наклонился к соседу в толпе и шепнул ему на ухо:

— Что тут происходит?

— Эльфы деньги собирают, обещают показать человека-ящера, — прошептал сосед в ответ.

— И как?

— Кто же им поверит!

— А что не так?

— Это же эльфы! — удивлённо ответил человек и посмотрел на Дона как на слабоумного, потом в глазах его промелькнуло понимание: «А, не местный!» — и он добавил: — Многие скидываются не на ящера, а на обман и мордобой.

Дон кивнул, достал шесть су и помахал ими над головой, призывая девушку со шляпой.

— Так что происходит-то? — опять прошептала Рина.

— Краудсорсинг с последующим линчеванием.

— Что?

— Эльфы обещают показать человека-ящера, толпа собирается развлечься, даже если он ей не понравится.

— Эльфы?

— Ага! А почему ты шепчешь?

— Я не знаю!

Вклад Дона, казалось, стал решающим — и представление началось. Артисты взялись за ткань с двух сторон и потянули вперёд. Накидка упала на подмости, пара симметрично изобразила одинаковые жесты: мол, всё внимание — на клетку! Хотя и без этого было предельно очевидно, куда смотреть.

Кто-то лежал на полу, свернувшись калачиком, и дремал, но опознать в нём ящера, а уж тем более человека-яще-

ра было очень сложно. Толпа мгновенно напряглась. Эльф нетерпеливо настучал тростью по прутьям огрызок какого-то ритма, ящер выдохнул, пружинисто раскрутился из калачика и поднялся в полный — человеческий — рост.

У толпы не было единодушного мнения, что делать в таких случаях. Кто-то ахнул, кто-то ойкнул, кто-то затаил дыхание.

В клетке определённо была рептилия, больше похожая на огромного кенгуру, чем на человека, с довольно зубастой мордой, на манер укороченной крокодилей, развитыми передними лапами (или руками?) с пятью пальцами, заканчивающимися длинными, но обстриженными когтями (или ногтями?), массивными задними конечностями и огромным хвостом, выполняющим роль третьей опоры. Низ живота украшала набедренная повязка, прикрывавшая туловище только спереди и похожая поэтому на сползший фартук. Впрочем, сзади прикрывать было и нечего, кроме хвоста.

Ящер покрутил головой по сторонам, осматривая толпу, распахнул пасть и разродился громким рыком.

— Самые смелые могут подойти и посмотреть поближе! — предложил эльф. — Только берегите пальцы!

Услышав слово «поближе», ящер бросился на прутья клетки и зарычал ещё громче. Желающих не оказалось.

— Найденный охотниками в джунглях у берегов Укаяли в пятилетнем возрасте и с любовью воспитанный людьми, этот гигантский ящер понимает простые команды, но так и остаётся диким зверем! — огласил эльф и, сделав паузу, чтобы толпа успела усвоить сказанное, scomандовал: — Сидеть!

Ящер продолжал рычать, стоя на задних лапах и по-человечески держась за прутья передними, раскачивая клетку туда-сюда так сильно, что её дно выстукивало дробь о подмости.

— Сидеть! — повторил эльф и помахал перед носом ящера тростью.

Чудовище свернуло громкий рык в короткий скулящий звук, отпустило прутья и село на собственный хвост, широко расставив задние лапы по обе стороны от набедренной повязки. И если бы не она, то поза выглядела бы совсем неприличной.

— Кто ж так сидит? — делано ужаснулся эльф.

— У-у-у-у? — наклонив морду в сторону в ответ и глядя одним глазом, заинтересовался ящер.

— Мужики в бане! — радостно догадался ведущий.

В толпе раздалась жидкие смешки.

— А покажи, как девки на выданье сидят!

Ящер собрал ноги вместе и подпёр одной рукой морду в районе щеки (если бы она была), после чего по просьбе ведущего изобразил, как «жена на крыльце сидит, мужа ждёт» (лапы, упёртые в бока). Толпа такой поворот сюжета восприняла благосклонно.

Постепенно программа перешла к пантомимам в полный рост и динамическим номерам: катанию по полу, танцам и прочей беготне. Всё это сопровождалось комментариями эльфа, придававшими происходящему понятный человеческий контекст.

Дон краем глаза посмотрел на Рину: всё её лицо выражало детский восторг. Девушка была настолько вовлечена в происходящее на сцене, что не заметила любопытства Дона, чем он тут же воспользовался и начал любоваться уже игрой эмоций, а не ящером.

Когда выступление было закончено, Рина вспомнила о существовании своего спутника, повернула к нему голову и спросила:

— Здорово, правда?

Дон отвёл взгляд от Риной и тихо улыбнулся. Эльфийка снова обходила толпу со шляпой в надежде собрать уже добровольные пожертвования, эльф сворачивал подмостки.

— Правда здорово. Я рад, что тебе понравилось. Мы сначала пообедаем и потом выясним причины вождения за нос?

— Что?

— Да, ты совершенно права! Сейчас, подожди.

Дон пересёк редуящую толпу и направился к эльфу, вокруг которого уже собралась группа человек из пяти.

— Нет, поближе рассмотреть нельзя, зверь устал, оферта действует только на время выступления, — объяснял эльф. — Приходите завтра и вставайте в первые ряды. Приводите знакомых.

Дон дождался, пока каждый в очереди попытается удовлетворить своё любопытство, получит «нет» и, постояв ещё минуту, пойдёт прочь. К этому времени Рине надоело ждать в стороне, и она тоже подошла к эльфу.

Когда любопытные разошлись, Дон кашлянул и сказал:

— Здравствуйте!

Эльф молча собирал подмости, всем своим видом давая понять, что выступление закончено.

— Знатная зверюга, — продолжил Дон.

— Вы всё слышали. Приходите завтра, будет ещё одно представление.

— Слово «Ккхи» вам не знакомо?

Эльф оторвался от своего занятия, внимательно посмотрел на Дона, потом огляделся по сторонам и тихо ответил:

— Приходите вечером.

— Замечательно, а теперь мы можем поесть, — обратился Дон к девушке. — Пойдём.

Таверна оказалась довольно непритязательным заведением, выдержанным в тёплых тонах засаленного дерева. Дон выбрал столик в углу, сел спиной к стене и стал рассматривать нескольких одиноких посетителей — вероятно, алкоголиков, потому что трудно было себе представить желание сидеть здесь ради эстетического удовольствия или тёплой компании.

— Давай я сразу проясню: Ккхи — это ящер. Можно было бы подумать... Впрочем, нет, ты могла бы подумать, что Ккхи — это эльфы, но Ккхи — это ящер, — сообщил Дон.

— Но он ведь совсем дикий.
— Так я и говорю: вождение за нос!
— Что это такое опять? — с едва заметным раздражением сказала Рина.

Девушка уже привыкла к тому, что заметную часть произнесённых Доном слов она просто не понимает, потому что слышит их впервые, но сейчас-то что? «Вождение» и «нос» она знала, но смысла в их сочетании не находила вообще никакого.

— Цыгане водили медведей на потеху публике, продев им в нос кольцо и заставляя их делать всякие фокусы. Медведь — большой и сильный, но цыгане — народ хитрый. Понимаешь?

— То есть ящер не дикий?
— Да, нам подсунули гораздо лучший мех.
— Какой мех? Это опять «метафорически говоря»?
— На этот раз нет... Так, стой. Давай по порядку. Медведи у вас есть?

Рина кивнула.

— Цыган у вас нет?

Рина отрицательно покачала головой.

— Но есть эльфы. Значит, за нос никого не водят, а когда кого-то дурят, то так и говорят?

— Да, а ещё мы используем выражение «дёргать за ногу». Получается, водить за нос и дёргать за ногу — это одно и то же? — догадалась Рина. — А мех?

— Тоже присказка из другой местности. Жил да был большой плут, и не было у него ничего, кроме собственной хитрости. Отправились они как-то с героем за фамильными сокровищами, которые были спрятаны от доброго людоеда, да так хорошо, что потерялись. Кота в сапогах у вас тоже нет?

— Нет.

— И ничего история не напоминает?

— У нас есть сказки про хитрого койота.

— При очередной сделке койот убеждает простофилю в том, что купился на его поддельный мех, — и проворачивает торги в свою пользу. Территория меняется, а сказки — никогда.

— Чего хотим? — прервала их разговор хозяйка таверны, упитанная женщина, такая же засаленная, как и само заведение. «Интересно, кто кого засалил: таверна хозяйку или хозяйка таверну?» — промелькнуло у Рины.

— А чего есть? — ответил в тон Дон.

— Свиная рулька есть.

— А что-нибудь поострее? — залихватски поинтересовался Дон, растягивая «о».

— Свиная рулька с перцем.

— Ну, красавица, это как-то скучно!

— Красавица! Скажете тоже! — хрюкнула хозяйка и на мгновение расцвела, но быстро вернулась в привычное суровое состояние: — Скучно ему, а! Здесь у меня таверна, а...

— ...не эльфийский притон, — продолжил фразу Дон.

— Да, здесь у меня не... Ой! — снова хрюкнула хозяйка. — Хи-хи!

Спустя минуту шуток, прибауток и глупых похрюкиваний Дон выяснил, что если в этой деревне и можно что-то назвать притоном для чёрненьких, то наверняка конюшню. «Кто же их в нормальное место пустит». А конюху лишняя монета не помешает.

— Ну хорошо, а цыплятина есть?

— Дорогая, — недоверчиво ответила хозяйка, мол, а что не так со свиной-то?

— Давайте её. Девушке тоже. Я угощаю.

Хозяйка пожала плечами. Какой-то чудак решил «угостить» даму цыплятиной, считавшейся диетическим блюдом, которое лекари прописывали мающим животом.

— Ну, я бы не отказалась и от свинины, — сказала Рина, когда хозяйка уже отошла.

— Да, прости. Я её не ем из этических принципов. Не то чтобы я хотел их на тебя возложить, просто забываю.

— Ты постишься, что ли? — удивилась девушка.

— Хм... Да, пожалуй, что-то вроде того. Духовная практика. Критерии воздержания у всех разные, но я стараюсь не есть существ, способных демонстрировать игровое поведение. Но если будет выбор, я или они, тогда уже совсем не до игр. К счастью, пока вопрос так сурово не стоит.

— А это паясничанье с хозяйкой сейчас было зачем? — спросила Рина с брезгливостью и заметной ноткой ревности.

— Бытовой расизм. Нельзя просто так взять и с порога спросить: где тут эльфы остановились? Это было бы не очень дальновидно. Я решил обыграть ксенофобию. А всё почему?

— Почему?

— Потому что свиньи способны на игровое поведение.

Рина смущённо почесала нос — ей показалось, что если она этого немедленно не сделает, то Дон глупо улыбнётся, ткнёт ей пальцем в нос и скажет: «Пуп!»

Принесли цыплятину. Разговор вернулся к Ккхи.

— Значит, ты просто хотел сообщить мне, что эльфы морочат голову?

— Дёргают за ногу. Эльфы всё-таки обдурили народ, но не так, как люди предполагали. Здорово, правда?

— Но ведь это обман!

— Это не обман, а сказка про то, как дикого маленького ящера нашли охотники, приютили и очеловечили. Если бы он действительно был обычным человеком-ящером, то просто принимал бы определённую заученную позу, когда эльф произносил «девки» и «сидят», при этом ничего не понимая. Но все согласны на этот обман и ради веселья готовы поверить, будто ящер и вправду знает, как девки сидят. Шесть су хорошо потрачены.

— А на самом деле?

— Я думаю, он скрывается. Путешествует инкогнито, не привлекая внимания. Принц в изгнании, переодетый в нищего.

— Такие сказки у нас тоже есть, — кивнула Рина.

Мысль о том, что её обманывают, но ничего плохого в этом нет, казалась ей странной.

ЭЛЬФЫ

Эльф расслабленно полусидел на куче сена с трубкой в правой руке, рядом калачиком лежала эльфийка, отвернувшись к стене.

— Тридцать лет курю трубку, — пояснил он в ответ на приподнятую бровь Дона.

— Из них?.. — заинтересованно бросил Дон.

— Из них десять — на сене, — улыбнулся эльф, дескать, волноваться не о чем, и жестом предложил сесть в кучу напротив. — Курить в кровати — не самое опасное занятие. Даже за сегодняшний день.

— Люди?

— Люди опасней, — кивнул эльф, во второй раз удовлетворённый репликой Дона. — Таким, как мы, место в хлеву, и пока мы в нём остаёмся, все счастливы! — Привычным театральным жестом эльф обвёл пространство вокруг себя и воздел руки к потолку.

Хлев был чистым и совершенно пустым, не считая их четверых, накрытой клетки Ккхи и Фёдора, которого путешественники привели с собой.

— Осёл может остаться, — подтвердил эльф. — Это всё равно хлев, даже если и подпольная гостиница для «тех, кому место только в хлеву».

— А что же лошади? — спросила Рина, вспомнив пару жеребцов, привязанных на улице к эльфийской телеге-подмосткам.

— О, это такие породистые создания, что просто побрез-

гуют с нами под одной крышей спать, — усмехнулся эльф, — и уж тем более стоять рядом с вашим ослом.

Эльф неторопливо затянулся и пристально посмотрел на Дона, что-то мысленно примеряя.

— Вы пришли за Ккхи? Ящер спит. Но мы же куда не торопимся?

— До утра мы абсолютно свободны, — подтвердил Дон.

Ответ почему-то заметно порадовал эльфа, продолжавшего пристально рассматривать собеседника.

— Тоже кто-то из странствующих? — наконец ткнул он в сторону Дона концом трубки. — Подожди, сейчас угадаю. Фокусник?

— Сказочник. Дон.

— Джефендор, но вы можете называть меня Джеф, — представился в ответ эльф. — А её — Керис. Тебя можно так величать, о дочь эмпу?

— Всякий йамур можно есть, — с презрительным фырканьем заметила эльфийка, не поворачиваясь.

— Но не всякий — два раза, — продолжил Дон.

Снова послышалось фырканье, явно довольное. Керис вытянула руку, не глядя схватила Джефа за бок, легонько ущипнула, привлекая внимание, и показала какой-то непонятный жест.

— Это Рина, — представил попутчицу Дон и спросил с улыбкой: — Ну что, я прошёл тест?

— Тёмный тип, да, — рассмеялся в ответ Джеф. — Из наших. Трубку?

— Не откажусь.

Пока Дон затягивался и кашлял, Керис развернулась в его сторону и с интересом принялась разглядывать, а когда сказочник возвращал трубку Джефу, потянулась навстречу и перехватила кисть. Одной рукой эльфийка выудила из неё трубку и тоже затянулась, а другой продолжала держать ладонь Дона, неторопливо разглаживая её большим пальцем. Выдохнув, эльфийка с минуту рассмат-

ривала линии на руке Дона, после чего они курили уже втроём.

Рина чувствовала себя крайне неловко. Происходило нечто очень обыденное, из чего она была почему-то исключена. И эльфов, и трубку она видела первый раз в жизни, самым знакомым из всей обстановки был сарай, но всё это вместе воспринималось как нечто само собой разумеющееся.

Счёт времени окончательно потерялся. Раньше — вне хлева (или без Дона) — время можно было отсчитывать, например, по репликам людей и по длительности молчания между ними, которое по достижении определённой границы становилось «неловким» и заполнялось болтовнёй. Обычный разговор длился не больше часа, чего хватало на обсуждение всех свежих деревенских сплетен.

Тут же стояла тишина, но одновременно происходило что-то беззвучное, помимо курения трубки, — и никого это не смущало.

— Почему тридцать лет? — прервала тишину Рина. И все тут же удивлённо повернулись в её сторону.

— Почему что? — переспросил Джеф.

— Вы курите трубку тридцать лет.

— Да! — подтвердил эльф.

— Но вам... лет тридцать пять? — неуверенно заявила Рина.

— Плохо сохранился, — печально сказал эльф.

— Я имею в виду, что вы делали до этого?

— До этого — капал в глаза слизь ватной жабы, лет десять. До этого — втирал в дёсны сушёных сверчков, лет семнадцать. А ещё до этого — даже стыдно сказать.

— Так сколько вам лет?

— Больше пятидесяти восьми — это точно! — улыбнулся эльф.

— Это в собачьих годах, — подсказал Дон, из-за чего Керис не сдержалась и впервые за вечер закашлялась.

Происходил какой-то невидимый глазу и неслышимый уху разговор; иногда Рине казалось, что она понимает отдельные слова и улавливает жесты, но как только она пыталась ухватить происходящее, всё пропадало. Девушка вспомнила, как однажды ей снилось, что она читает книгу: страницы были полны мудрости, но каждая строчка оборачивалась вереницей букашек на бумаге, и смысл их можно было передать словами «что-то очень важное», но дальше этого дело не шло.

Остальные явно наслаждались происходящим; по крайней мере, они улыбались, никуда не спешили и были как бы все заодно. Девушке даже показалось, что они перемигиваются, и она начала пристально вглядываться в лица, но ничего такого не обнаружила.

— Обменяемся жёнами? — предложил Джеф, обращаясь к Дону. — Эй, ну кто-то же должен был это сказать! Керис просто менее болтлива. Сорок лет женат, из них сорок — на ней. В людских годах.

— Жаб надо иногда менять на сверчков, — подтвердил Дон и получил в награду восхищённый взгляд Керис, полный радостной злости. — Но Рина мне не жена.

— Оу. Надо же так обознаться! — охотно выразил сожаление Джеф.

— Что значит — обменяться жёнами?! — вспыхнула Рина.

— Господи, ты весь вечер так глазеешь на мою трубку, что это невозможно было не заметить. А эти жаба с гадюкой, — эльф махнул в сторону Дона и Керис, — точно общий язык найдут. Хотел бы я на это посмотреть — с обоюдного согласия сторон, разумеется!

— Дон, это же свинство! — возмущённо крикнула Рина.

Джеф радостно улыбнулся, оценив шутку на животную тему, но быстро переменился в лице и сказал:

— Подождите, она это серьёзно?

— Сейчас выясню. Всем оставаться на своих местах! — сказал Дон с преувеличенной важностью в голосе, словно

произошло убийство или какое-то другое незаурядное происшествие, а он берётся всё расследовать.

Все замерли и продолжили сидеть там, где сидели.

— Значит, так. Поправьте меня, если ошибусь — всё-таки я не курил трубку тридцать лет, привычки нет, поэтому реальность может немного ускользать от меня. Джеф предложил обменяться жёнами — при условии, что все согласны?

— Ага.

— Вопросов больше нет! Хотя нет, подождите. Рина, ты как?

— Да как вообще?! Что ты обо мне думаешь! — прошипела девушка, побледнев.

— Поэтому и спрашиваю! Я не думаю, что ты согласна. С другой стороны, что ты не согласна, я тоже на всякий случай не думаю. Короче, да или нет?

— Нет же!

— Вопросов больше не имею.

Рина требовательно уставилась на Дона.

— Ах да. Вердикт! Когда тебя спрашивают, можно просто сказать «нет». Это всё трубка или я правда сейчас звучу словно кладезь мудрости?

Рина покраснела и какое-то время тихо глотала воздух, как выброшенная на берег рыба, а потом развернулась и побежала на улицу. Керис вздохнула, поднялась и вышла вслед за ней.

— Так вы не партнёры? — спросил после небольшого молчания Джеф.

— И. о. и подопечный.

— И. о.?

— Исполняющий обязанности.

— За двоих работаешь?

— Стремлюсь к честному распределению.

— А зачем тебе это?

— А тебе жабы зачем?

— Скука. Года эльфийские, а скука — человеческая.

— А жёнами меняться?

— Обмен опытом. Или наоборот: жёнами — от скуки, а жабы — для обмена опытом. Ещё дунешь?

— Мастерская работа, — сказал Дон, рассматривая переданную ему трубку, испещрённую вырезанными рунами. — Из чего? Кость?

— Рог.

Выбежав из сарая, Рина завернула за угол и почти разрыдалась, но сначала стоило убедиться, что вокруг никого нет. Уже наступили сумерки, и футах в семидесяти отсюда горело окно хозяйского особняка, но самого владельца в нём не было видно. Соседние дома выглядели нежилыми и не светились вовсе — сарай стоял на краю деревни, вдалеке от главных улиц.

И тут наконец Рина снова почти разрыдалась, но её остановили скрип двери и вышедшая из-за угла Керис. Привычный комок вернулся в горло и сполз вниз, в живот. Рина опустила голову и отвела взгляд. Эльфийка с ногами залезла на перевёрнутую вверх дном бочку, стоявшую неподалёку от Риной, и сделала это с таким невозмутимым видом, как будто именно ради этого она и вышла на улицу.

«Что ей надо? Когда она уйдёт?» — со злостью подумала девушка.

Завернуть за ещё один угол и скрыться от Керис было бы невежливо, оставалось стоять с опущенной головой и ждать требований. В лучшем случае это будет «успокоение» — самый безобидный вид требований, когда собеседник понимает, что произошло нечто неловкое, и хочет, чтобы ты перестал на это реагировать.

«Пожалуйста, не волнуйся». Или: «Ну что же ты?» Или даже: «Я за тебя тревожусь».

Батюшка что-то говорил о том, что женщины должны давать мужчинам успокоение, но Рина никак не могла взять в толк, зачем им это надо. Неужели женщины предназначены только для этого?

Вместо «успокоения» можно получить «указания» — самый распространённый вид требований. «Пойдём обратно». «Расскажи, что случилось». «Перестань такой быть». «Успокоение» считается успешным и человек наконец оставляет тебя в покое, как только ты замираешь и прекращаешь что-то изображать на своём лице. «Указания» же требуют большего — активных действий по исправлению ситуации.

Дальше по силе воздействия идут «обвинения», которые весомее «указаний», их нельзя искупить просто исправлением текущей ситуации; чтобы загладить вину, требуется что-то ещё.

В этот раз ничего особенно ужасного не произошло, поэтому Рина рассчитывала на «указания». «Ну же, давай побыстрее покончим с этим и вернёмся в сарай», — думала Рина, глядя на эльфийку. Но Керис молчала и с интересом рассматривала Рину, как будто это нельзя было сделать раньше, в светлом хлеву.

«Ну же!»

Эльфийка продолжала молчать.

Рина подумала, что если просидеть так достаточно долго, то уйти за угол или обратно в хлев снова станет вежливо, как будто никому от тебя ничего уже не надо, ведь если было бы надо, то попросили бы.

Рина выждала некоторое время и, решив: «Ну, наверное, можно», — шевельнулась в сторону, но Керис спросила:

— Как называется эта сцена?

— Что, прости?

— «Оскорблённая невинность»?

— Я не оскорблённая невинность!

— А кто ты?

— Я та, которая хотела побыть одна, — сообщила Рина, ответив таким образом и на вопрос, кто она, и на вопрос, который, как ей казалось, подразумевался с самого начала: «Почему ты вышла?»

— Ох, наверное, это было так бестактно с моей стороны! — с ухмылкой ужаснулась Керис. — Если ты ещё не побыла одна, то я пока посижу тут.

— Что тебе надо? — спросила Рина, стараясь, чтобы вопрос звучал не слишком резко, но и не испуганно.

Секрет был, конечно, в тоне. Дон, например, каким-то неведомым для Рины образом мог задать любой очень простой вопрос, в котором не было никаких примесей.

Когда люди спрашивают: «Ты голодна?» — они никогда не имеют в виду: «Скажи, пожалуйста, голодна ли ты?» На самом деле это может означать всё что угодно: от «Достерпишь до вечера?» или «Нам дома нечего есть, ты же знаешь» («Скажи, что не голодна») до «Не хочешь ли поужинать?» или «А почему ты до сих пор не начала готовить еду?».

Когда Дон спрашивал её: «Ты голодна?» — он имел в виду именно это, и в воздухе повисало нечто странное. Рина долго думала, но иначе чем «ожиданием ответа» не смогла это назвать. Дон задавал вопрос и просто ждал ответа.

«Какая глупость, если вот так, словами!» — подумала Рина и постаралась сделать то же самое: спросить у эльфийки, что ей надо.

— Мне ничего не «надо», но мне «хочется» удовлетворить своё любопытство. Но если ты не перестанешь строить из себя терсингу, то я, пожалуй, обойдусь. Слишком много возни.

— Я не...

— Не обязана никого удовлетворять, — подтвердила Керис.

— Но я...

— Но ты всё равно это делаешь. Да соберись уже, оран-малан!

«Я не обязана никого удовлетворять, но всё равно это делаю, — вспыхнуло в голове у Рины ярким шариком, растеклось по телу и отозвалось комочком в груди. — Так, по-

ждите. Конечно, не обязана. Обязана — это слишком громко сказано. Но есть же, например, правила приличия. Соблюдать их человек обязан... Так, подождите. Человек должен? Это почти то же самое. Давайте так: будет всем хорошо, если... Это своего рода взаимное обязательство. Чёрт».

— Я не обязана никого удовлетворять, но всё равно это делаю! — с ужасом повторила Рина.

— Это ровно то, что я сказала тебе пять минут назад! — подтвердила Керис. — Так что нет смысла скрываться.

«Нет смысла скрываться, — снова вспыхнуло у Рины, уже совсем в другом месте. — Я скрываюсь? Что за глупость? Я просто не высываюсь. Я скромная и знаю своё место. Или что, нет смысла прятать то, что я не обязана никого удовлетворять? Или нет смысла скрывать, что я это делаю?» Рина жалобно посмотрела на эльфийку.

— Господи, детка, да ты, похоже, надышалась, — прочитала её взгляд Керис. — Или всегда такая?

— Я ничего не понимаю. Я не обязана никого удовлетворять, но всё равно это делаю. Что это вообще значит?

— Подожди, ты всё ещё об этом? — удивилась эльфийка. — Ну тебя и крутит. Я сказала, что ты совершенно не обязана удовлетворять моё любопытство, но всё равно удовлетворяешь. Ты всё равно находишься здесь, и всё равно я тебя вижу! Можно было бы поговорить или сделать это ещё более простыми способами. — Керис похотливо подмигнула и кивнула в сторону сарая. — Но раз ты хочешь так, то пусть будет так.

— А общественный договор?

— Какой? Что у тебя там вообще происходит?

— Где? — не поняла Рина.

— Там, внутри.

— Ох, — выдохнула Рина и разревелась.

Через полчаса дверь открылась и девушки зашли в хлев, обнявшись, как лучшие подруги.

— Два способа расширения, да, — продолжал вещать эльф. — Ты либо расширяешься за счёт того, что плодишь себя в мире...

— По образу и подобию, — вставил Дон.

— Верно, по образу и подобию. Делаешь мир таким же, как ты. Формально ты расширяешься. Либо ты принимаешь в себя кусочки мира...

— Захватываешь? — уточнил Дон.

— Нет, именно принимаешь, они при этом не пропадают из мира, и ты говоришь: «Эти кусочки мира теперь во мне». Тогда ты тоже расширяешься. При первом способе ты обогащаешь мир собой, при втором мир обогащает тебя. Первый способ называется «насилие», а второй — «адаптация».

— Интересный выбор слов. Первое также может называться «творчеством», а второе — «воровством», — улыбнулся Дон.

— Ты совершенно прав, — улыбнулся ему в ответ Джеф. — Как только мы определили две разные вещи, на каждую надо повесить ярлык, чтобы не потерялись, что в худшем случае ведёт нас к протоярлыку — «плохое» и «хорошее».

Эльф затаился трубкой и замолчал.

— Но мы-то знаем... — подсказал Дон.

— Да, но мы-то знаем, что самое интересное происходит на границе, и необязательно «хорошего» и «плохого», это было бы просто пошло, — продолжил эльф. — Но и там тоже — как частный случай. Где, например, начинается «насилие», а где «адаптация»? Или «творчество» и «воровство»?

— Сейчас про трение затрёт, смотри, — шепнула Керис Рине.

— «Дай мне силы изменить то, что могу, спокойствие — принять то, что не могу, и мудрость, чтобы отличить одно от другого», — добавил Дон.

— Изменить — «насилие», потерпеть — «адаптация». О, неплохо. Это откуда?

— Кто-то сказал.

— Ни разу не слышал. Но да.

— Тогда ещё: «Хорошие художники копируют, великие художники воруют», — если про границу между творчеством и воровством.

— А это?

— Тоже кто-то сказал, ты его не знаешь, — примирительно махнул рукой Дон.

— Хм. Так вот, самое интересное случается там, где две разности — я специально не говорю «противоположности» — соприкасаются и начинается трение.

— Я смотрю, вы спелись, — ехидно заметила Керис.

— А вы — нет? — парировал Джеф.

Рина отлепилась от эльфийки, шагнула к эльфу и неожиданно попросила:

— Можно мне тоже трубку?

— Угощайся, — протянул руку Джеф.

После затяжки по горлу побежала волна щекотки, расширяющаяся и захватывающая всё тело.

— Почему трение? — спросило горло.

— Ну а как это ещё назвать? — поинтересовался в ответ Джеф, проявляя полную открытость к чужому мнению.

Вопрос застал девушку врасплох. Она вдруг обнаружила, что стоит в центре комнаты, а все присутствующие повернули головы в её сторону, словно ожидая ответа. Всё это требовало немедленного обдумывания. Рина оглянулась и села к Дону на колени — чтобы далеко не ходить.

Сделав паузу, она произнесла:

— Я всего лишь хотела поучаствовать в разговоре! — и опустила глаза.

— Это нетрудно, — шепнул ей на ухо Дон, пользуясь тем, что она сидит у него на коленях. — Просто говори всё, что приходит в голову, подбрасывай ассоциации.

— У меня были ботинки, которые трут, — сообщила Рина.
— Все ботинки трут, — подтвердил Джеф.
— Но не все натирают, — кивнул Дон.
— А ещё папа говорил, что между ним и другим кузнецом — трения.
— Между всеми трения, — развёл руками Джеф.
— Но не все натирают! — сообразила Рина. — Ага, понятно. Ещё говорят, что жена притирается к мужу.
— Зависит от абразивности, — подал реплику Дон и пояснил: — Или муж к жене — кто более тёркий, тот и притирается.

Рине понравилось перебрасываться словами. На любую реплику, которую она подавала, собеседники находили что-то ответное, связанное невидимыми нитями, разбегающимися в стороны — как глаза. Смотреть можно было в любую точку, и всё везде было одинаково интересным и красочным.

— Что в трубке? — проявила любопытство Рина.

— Румпунт Кудис, — буркнул Джеф.

Рина вопросительно посмотрела на Дона — название было ей незнакомо; тот встретил её взгляд, на его лице на секунду промелькнуло выражение лёгкой досады, как если бы его попросили о неуместной услуге. Он поднял глаза вверх, что-то вспоминая — или с чем-то сверяясь в своей голове, — и произнёс:

— Скабиоза Импета. — И потом, пару мгновений помедлив, заглянув ещё в другое место: — Чесоточная трава.

Это название Рина знала: вредный сорняк, в заросли которого лучше не заходить — начинаешь невыносимо чесаться. Судачили, что в соседней деревне пара мужиков зачесала друг друга насмерть — правда, там не обошлось без выпивки.

— От неё же чешутся, — почти без испуга удивилась Рина.

— Так мы и чешемся, — ответил Дон. — Вот, языки чешем. Лясы точим. Ткём плотно разговора, а нитки, между

прочим, исключительно за счёт трения держатся. Вот ты меня сейчас гладишь или шлифуешь?

Рина проследила за взглядом Дона и внезапно обнаружила, что водит своей рукой по его руке.

— Ох, — смутилась девушка и поспешно оглядела комнату.

Джеф довольно шурился, как пригревшийся около печки кот, Керис сидела возле него мелким чертёнком, который вдоволь сегодня побесился и уже почти задремал, но которого лучше всё равно лишний раз не будить. Ничего страшного не происходило.

— Мы весь вечер чешемся! — догадалась Рина.

— Об этом и разговор, — кивнул Дон. — Джеф говорит, что самое интересное происходит на границе. Моя чесотка начинается там, где заканчивается твоя.

— Почеси мне спину — и я почешу тебе, — добавил эльф.

— А мы с Керис говорили, — Рина указала рукой в сторону двери, — о том, что я — пустое место, и это тоже может кому-то не нравиться, хотя я всю жизнь думала, что наоборот.

— Тереться не обо что. И положиться нельзя, — согласился Дон.

— Что?

— На пустое место не опереться. С пустым местом вообще мало что можно делать.

— Его можно занять, — предложила Рина.

— Тогда оно пропадёт, — пожал плечами Дон.

Разговор потёк куда-то дальше, уже без Риной, девушка выпала из него, обдумывая сказанное и прислушиваясь к ощущениям в собственном теле, продолжая при этом поглаживать чью-то руку, оставляя таким образом маленький кусочек контакта, с помощью которого можно было бы вернуться в компанию.

— Это всё трава? Мы из-за неё... чешемся? — Рина перестала гладить руку и подёргала за неё, привлекая к себе внимание.

— Мы всегда чешемся, — грустно улыбнулся Джеф, на этот раз рука оказалась его. — Просто сейчас делаем это сильнее, чем обычно.

Рина взглянула на Дона, который сидел теперь напротив. В глазах её читались растерянность и желание получить второе мнение. Или разрешение на первое.

— Продолжая метафору — да, все люди чешутся, так как все трутся снаружи обо что-то. Все люди чешутся снаружи, — сказал Дон.

— Неправда, — подала голос Керис, подходя к Дону сзади, улыбаясь и запуская руки в его волосы, — вот *этот* чешется изнутри.

И всё завертелось.

ККХИ

Дон выпал из дрёмы от возни под боком. Источником беспокойства оказалась Рина, нежно тормошившая своего попутчика, желая одновременно и разбудить его, и особо не потревожить, — от этого противоречия Дон и проснулся.

— Эльфы ушли! — выпалила Рина, увидев, что Дон открыл один глаз и тут же зажмурил его опять, пытаясь скрыться от солнечного света, падающего на лицо через большую дыру в крыше сарая.

— Ушли, — подтвердил Дон с закрытыми глазами, вспомнив, как он уже просыпался от другой возни под тем же боком несколько часов назад. Это была Керис, пытающаяся выползти из его объятий.

— М? — спросил тогда Дон.

— Нам пора, — извинилась она.

— М-м-м, — согласился он, перевернулся на другой бок и поглубже зарылся в сено, словно стараясь сохранить тепло эльфийки.

— Мне опять снился единорог! — сообщила Рина с тревогой в голосе.

— Угу, — подтвердил Дон, — этого следовало ожидать, учитывая вчерашнее. Я...

— И меня обокрали! — перебила его она.

— О господи, ты сама согласилась, — простонал Дон, представив очередной разговор о девичьей чести.

— На что?!

— Отдать свой цветок, или какая ещё природная метафора используется в этой местности? Поздравляю с первым сексом! Надеюсь, Джеф был неплох, такие обычно пытаются произвести хорошее первое впечатление... Так, подожди, я сейчас проснусь — дай хотя бы глаза раскрыть! — и стану более приветливым. Ненавижу недосыпы. А мне недосыпали ещё часа два сна!

Рина дождалась, пока Дон проворчится, и отчеканила:
— Это не первый секс.

— Нет? — Дону всё-таки пришлось приоткрыть один глаз — только для того, чтобы удивлённо поднять бровь. — У тебя с кем-то уже было? А с кем?

— Они украли мои вещи и увели Фёдора! — ледяным тоном продолжила девушка.

Дон нехотя встал, и вместе они оценили ущерб. Не считая мула, эльфы взяли ровно столько, чтобы у них с Риной не возникло желания гнаться за ними неизвестно куда или даже вставать утром ради этого, по крайней мере на взгляд Дона: из его сумки не исчезло ничего такого, к чему владелец был привязан; что же касается Рины, то её пропажи были ей дороги только потому, что ничего другого у девушки не было.

— Если обобщать, всё это называется словом «барахло», — подвёл итог Дон.

— Зачем они это сделали? — спросила девушка.

— Какие будут гипотезы, дорогой Ватсон? — поинтересовался Дон и пожалел: теперь быть не в духе пришла очередь Рины, и уж тем более она не была в настроении для игривого тона.

От девушки исходило неслышное пыхтение. «Можно сказать, она готова взорваться», — подумал Дон, подбирая правильное выражение, дабы описать состояние попутчицы. «Впрочем, нет, — поправил он сам себя, — она совершенно ещё не готова взорваться, хотя именно это бы ей сейчас не помешало». «Кипящий чайник» — слишком за-

тасканно. «Закипающий фарфоровый чайник династии Мин». Стало ли от этого сравнение более изящным?

— «Какого, к чёрту, Ватсона» можно пропустить, — подсказал Дон, — и перейти к тому, что тебя волнует.

— Нас ограбили, а ты опять со своими сказками!

— Это я уже понял, ты злишься. Злишь. Можешь делать это вслух.

Дон подождал ещё некоторое время и, ничего не получив от Рины, вышел из сарая. Вернулся он минут через десять с каким-то свёртком.

— А ты ничего не сделал! — встретила его Рина.

— Принимается, — кивнул Дон, садясь в кучу сена и кладя пакет рядом. — У меня ещё были варианты: «назвал мои вещи барахлом», «не расстроился, как я», «опять втянул нас куда-то, как с троллями». Ты злишься на меня за то, что нас ограбили.

— Но ты же должен был знать!

— Вижу этих эльфов первый раз в жизни. Как и ты, впрочем.

— А чесоточная трава?

— Увлекался в детстве ботаникой. Ты могла бы её не курить и с эльфом не спать.

— Нас всё равно бы ограбили.

— Могла бы переночевать в таверне, тогда ограбили бы только меня.

— Но ты спросил: «Пойдёшь смотреть Ккхи?»

— Можно было ответить «нет».

— Но мне было интересно узнать. А ещё ты сказал: «Хочешь, покажу, какие Ккхи волшебные?» — и уколол мой палец. Что, можно было отвернуться? — передразнила Рина.

— А ты спросила: «Что это?» — когда я рассматривал Ккхи, — улыбнулся Дон, — но да, да, об этом я тебя вовремя не проинформировал, уж прости.

Происходящее почему-то веселило его, что раздражало Рину ещё больше.

— Почему ты смеёшься? — зло поинтересовалась она.

— Улыбаюсь. Это весёлая игра — поиски виноватого, хотя и не думаю, что они здесь есть. Но давай доведём её до конца: а ты могла бы не идти искать единорога со мной.

— Но тогда бы я умерла! То есть ты что же, предлагаешь или умирать, или терпеть вот это?

— Я предлагаю несколько снизить градус моего всемогущества. В рамки моих возможностей не входит предсказывание будущего.

— А что входит?

— Осмысление прошлого и настоящего. Я не знал, что нас ограбят, и не в моих силах это предотвратить.

— Но ты можешь объяснить, почему нас ограбили?

— Что-то в этом духе, да.

— И почему?

— Я не знаю. И не должен был. Но объяснить могу, — добавил Дон после небольшой паузы и хитро улыбнулся.

Рина замолчала, но было видно, что это временное перемирие и она ищет новые пути атаки. Ей было совершенно ясно, что Дон просто издевается. Конечно, знания его не безграничны, Рина на этот счёт не обольщалась, но не могла же граница знаний проходить именно здесь и сейчас.

Всемогущество? «Смешное слово», — подумала Рина. Ну конечно же, никакого не «всё-могущество», но определённо «что-то-могущество». Он скрытный, не показывает всё, что может, и якшается чёрт пойми с кем. Эльфы опять-таки ограбили не полностью, как будто знают что-то.

Просто по каким-то причинам Дон в этот раз совсем не постарался. Возможно, ему было безразлично, что их ограбят. «Возможно, и я ему безразлична? — предположила Рина. — Если ему почему-то не обидно за свои вещи, но хотя бы за мои должно».

Поразмышляв ещё немного, девушка решила, что Дона выдаёт спокойствие. Когда человек чего-то не знает, он пе-

реживает и волнуется. Дон же почему-то расслаблен, но не так, как будто ему всё безразлично, а спокоен и внимателен одновременно. Словно что-то знает и ждёт. Всё-таки знает!

— Я и спросил, какие будут гипотезы, потому что не знаю, — примирительным тоном сказал Дон. — То есть как ты думаешь, что произошло?

— Эльфы, — пожав плечами, сказала Рина, тут ей было всё понятно.

* * *

Дон потянулся к свёртку и развернул его, расстилая бумагу на полу сарая.

— Лучшее средство от недосыпа — еда. Угощайся, — сказал он.

«Сбегал, значит, за жарочкой», — подумала Рина. Внутри неё начало смутно klokотать привычное: «Еда, значит, ему не безразлична!» — но она решила не давать этому ход. Рина покосилась на Дона: тот ел лепёшку с завёрнутым в неё сыром так, будто никто и никогда на него не косился. Доев, он встал, стряхнул крошки с живота на пол, потёр руки и сказал:

— Ну, посмотрим.

Ккхи спал, даже когда Дон стянул ткань с клетки, поэтому пришлось постучать по прутьям и снова насладиться разворачиванием ящера в полный рост, которое уже не так стильно захватывало дух, как в первый раз, но всё равно внушало трепет.

Дон оказался на голову ниже Ккхи. Они встретились взглядом — и ничего не произошло. Дон шмыгнул носом. Ящер с шумом втянул воздух в ноздри, принюхиваясь, — и снова ничего не произошло.

— Удивительно воспитанный! — с восхищением сказал Дон. — Какая сила Ккхи!

— Воспитанный эльфами? — не выдержала недосказанности Рина.

— Воспитанный Ккхи. Удивительно воспитанный Ккхи Ккхи. Самовоспитанный. Ккхи, воспитывающий самого себя за хвост.

— Значит, можно войти в клетку! — догадалась Рина.

— Я бы не стал так рисковать.

— Почему?

— Если бы к тебе без спроса... — начал Дон, но осёкся, вспомнив дом Рины, где у неё даже не было своей комнаты. — Ну, прежде всего, это невежливо. Он сам выйдет, надо его только заинтересовать.

Дон оторвал восхищённый взгляд от ящера, залез в сумку, достал оттуда колоду карт и показал её Ккхи жестом, каким обычно показывают пропуск (в тех мирах, где они существуют).

Ящер хрюкнул и дёрнул хвостом. Решётки исчезли — неожиданно и без всяких спецэффектов, — и все трое оказались в одном пространстве. Рина отпрянула, Дон отступил в сторону, давая ящера пройти. Ккхи оценил мизансцену, несколько раз отпружинил от пола, перемещаясь по сараю, и развалился на той же охапке сена, где ещё вчера сидел эльф.

Широко расставив ноги, ящер задрал набедренную повязку. Тут же пасть его обмякла, а зрачки покрылись увлажняющей матовой слизью, заменяющей им моргание век. Вероятно, это было аналогом человеческого закатывания глаз. Между ног что-то зашевелилось и с усилием выплонуло комок слизи — тем же манером, как кошки срыгивают шерстяные шарики.

— Я твою маму ел! — сказала «что-то» скрипучим голосом.

«Оно» торчало между ног ящера и выглядело как увязнувший там по хвост ещё один Ккхи, раз в девять поменьше, в три раза морщинистее и в невыразимое число раз вертлявей и живее.

— Я твою маму ел? — повторило «оно» медленней, под-

крепив высказывание жестами, запихивая маленькими ручками в рот большие невидимые куски.

Рина прыснула в кулак.

— Я твою маму рвал! — отозвался Дон, изображая челюстями отрывание кусков от чего-то массивного.

Ккхи-младший оценивающе развернулся к девушке и произнёс, обращаясь явно к ней:

— Не болей.

Это она поняла и смущённо ответила:

— И вы здравствуйте.

— Хорошо. Обезьяний язык. Предвкушаю беседу, — сообщил ящер, делая заметные паузы между фразами.

— Обезьяний хорош ваш, — уважительно кивнул Дон.

— Ах, — махнул лапкой Ккхи и с очень сильным, почти совершенно непонятым акцентом прокаркал: — Не гворим обзьяний.

— Смысловой слизень, — догадался Дон, указывая на срыгнутый комок.

— Дон? — шепнула Рина, требуя подробностей.

— Фруктовые мухи едят фрукты, — после паузы сообщил Дон.

— И чего?

— Смысловые слизни едят смысл. — Снова пауза. — Аналогично.

— И чего?

— И весь не съедают.

— И чего?

— Охотничий ястреб. Аналогично.

— Ну Дон! — жалобно возмутилась Рина.

— Ловит, но не ест. Сама попробуй. Скажи много слов.

Рина не понимала, издевается ли Дон, и сейчас, и вообще — всегда. Иногда он говорил много, но чаще — мало и непонятно, и мотивы такого поведения были Рине неизвестны. Часто казалось, что он её дразнит, скрывая смысл, заставляя дёргать и канючить, как будто ему нравится, что

его постоянно теребят; но ещё чаще казалось, что он пытается выставить её полной дурой, лишний раз указав на её непонимание или спровоцировав его.

Девушка открыла рот, чтобы выразить мысль, и услышала собственный голос.

— Перестань, — сказал он.

«Подождите, я совсем не то хотела сказать!» — подумала она.

— Но это не точно, — добавил голос.

Какое-то время Рина переваривала свои ощущения, после чего проникновенно сообщила:

— Лезет медленно.

— И плохо клеится, — согласился Дон, сделал паузу и просуммировал: — Говно вомбата.

«Кубики!» — сообразила она. То, что раньше выглядело неразрывной линией, оказалось теперь ожерельем, бисером нанизанных друг за другом кубиков. Сейчас звенья стали огромными и неподъёмными, как моаи, но поэтому и видимыми.

«Перестань», — попробовала Рина ещё раз выкатить тот же куб. «Мне не нравится», — после паузы дотащила она второй, пытаясь прояснить контекст. Конструкция продолжала выглядеть неустойчивой, две эти фигуры оказались вообще никак не связанными, что стало неприятным сюрпризом. «Потому что!» — сообразила девушка.

— Перестань, потому что мне не нравится!

Следующие пару минут Рина провела в глубоких, но пространных размышлениях как о связности «перестать» с «мне не нравится», так и об их отдельности, не спуская тем не менее немигающего удавьего взгляда с мини-Ккхи.

«Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, конечно, чем одному человеку пропихнуть смысл к другому, — думал Дон. — Два игольных ушка. Три. Слизня не считаем, он скорее ушная пробка. Ушная пробка в бутылочном горлышке. А где узко, там и рвётся. Слизень, значит, кусает по линии

разрыва и тащит в другое место, работая переносчиком смысла. Перевозчиком. Переводчиком. Муха переносит холеру, но понимает ли муха холеру? Пусть слизень будет „переносчиком“, хорошо. Занятная животиночка, я про таких слышал, но сталкиваюсь в первый раз. Впрочем, это неважно — сейчас мы адаптируемся к новому размеру дырки и начнём общаться более плавно».

— Скоро пройдёт, — успокаивающим тоном произнёс Дон.

«Девушка, очевидно, раздражается, — отметил он про себя. — Сейчас-то ладно, допустим, спишем на слизня, но вообще... Твоя коммуникационная стратегия, похоже, не очень успешна».

«Моя стратегия, — хмыкнул про себя Дон. — Я назову её расходящейся спиралью: от главного к второстепенному». Дон понимал, о чём идёт речь — хотя речь ни о чём и нигде не шла. Поэтому-то у стратегии и не было имени: её никогда не надо было никому представлять.

Часто Дон выражал свои мысли так, словно за каждое слово приходилось платить. Если количество слов ограничено, то разумеется. «Разумеется!» — ехидно подумал Дон. Лучше всего начинать с конца: сначала сообщать вывод — на случай, если получится отделаться этим, а потом, когда собеседнику непонятно, рассказывать всё в обратном порядке, и так до самого начала.

Откуда у него взялась такая манера общаться, было неизвестно. Фонетика зависит от окружения: например, абруптивные согласные чаще встречаются в языках жителей горных районов, так как требуют меньше дыхания.

— Т'ап'ат, — сказал Дон.

— Ч'в? — встрепенулся Ккхи.

«В горных диалектах обезьяньего, конечно», — поправил себя Дон, так как сильнее всего она зависит от строения речевого аппарата. Другие особенности языка отражают среду не меньше, просто их сложнее уловить. В какой атмосфере

находился Дон, чтобы вырасти таким, было загадкой. Может, он просто талант. Или, например, любимой репликой его отца в диалогах было «Короче!». Или, скажем, он просто живёт в лесу и редко видит людей. Так или иначе, Дон отметил раздражение девушки и, разумеется, решил меняться.

Ящер коротал время за хищным (и только потому, что Ккхи — хищники) рассматриванием Дона и Рины и оценкой того, какие их части наиболее съедобны.

Наконец все трое справились с переполохом в своих мыслях, устроенным слизнем, и вернулись к Ккхи. Большой ящер всё так же оставался без движения, маленький скрутился колечком, залез куда-то под набедренную повязку и вынырнул уже с колодой карт в лапках.

— Портоомния, — сообщил Дон до того, как Рина что-то спросила, и пояснил: — *Omnia mea mesum porto*. Червоточина у него там. Пространственный карман... Склад у него там, склад. Волшебный безмерный склад. Повязка-самобранка, ну.

Взяв колоду в левую лапу, жестами правой ящер нарисовал в воздухе пару кругов. Помост клетки сложился в несколько раз, превратившись в небольшой деревянный столик с низкими ножками, и, окончив трансформацию, беззвучно заскользил в сторону ящера, чтобы услужливо встать напротив. Ккхи положил колоду на стол, Дон зеркально повторил этот жест.

— Что в меню? — поинтересовался ящер.

Дон достал свою сумку и вывалил содержимое на стол. Ккхи-старший шумно вдохнул воздух, словно вынырнув из воды, подался тазом вперёд, помогая младшему зарыться в вещи, и снова впал в оцепенение.

Ккхи несколько раз ловко пересортировал предметы и сгрёб их кучей в сторону Дона, оставив кобур с бластером ближе к себе. Дон кивнул и принялся методично складывать всё обратно в сумку; ящер тем временем совершил несколько нырков под повязку, выуживая оттуда

каждый раз какую-нибудь неведомую вещь и кладя её на стол.

«Ккхи — это способ торговли», — вспомнила Рина. Ей стало понятно, что ящер хочет бластер — купить или выменять на что-то другое.

— Предметы, имеющие огромную сентиментальную ценность, — прокомментировал коллекцию ящера Дон, взял что-то, по форме напоминающее соусницу из матового металла, и протянул в сторону Рины. — Но как ты смотришь, например, на джинна?

— В каком смысле — джинна?

— А какие смыслы ты знаешь?

— Как в сказках только.

— Ну, значит, джинн как в сказках. Выполняет три желания.

— В обмен на бластер?

— На возможность его потерять. Точный исход мы выясним после битвы.

— С кем? — Рина с опаской покосилась на бластер.

— С ним, — кивнул Дон в сторону ящера. — Воображаемой, конечно. Торги — это конфликт. Каждый хочет урвать себе кусок побольше, но в данном случае надо, чтобы никто не ушёл обиженным. Победитель съедает побеждённого, но проигравший забирает себе товар, или наоборот. Я тебе потом всё объясню, ладно?

— Кушать подано, — сказал Дон, обращаясь к ящеру.

— Я напал неожиданно, — оживился тот, выкладывая на стол карту и подталкивая её в сторону Дона. Верхняя морда Ккхи расплылась в довольной улыбке, капелька слюны вязко сползла с пасти и повисла на подбородке. «Да он скалится!» — догадалась Рина. Только сомнамбулическое состояние ящера позволяло ошибочно принять это за улыбку.

— Ты *попытался* напасть неожиданно, — поправил Ккхи Дон, выкладывая в ответ свою карту. — Но я был подготов-

лен, поэтому, — вторая карта легла на стол, — твой удар попал в хорошо защищённое место.

Благоразумно стоявшая всё это время за плечом мужчины Рина пробралась бочком поближе к столу и принялась рассматривать карты. Увидеть получилось опять не сразу, но ничего нового она там не обнаружила: всё те же «сценки из деревенской жизни», по выражению Дона.

Дон выложил изображения покоса и сарая, которые девушка уже знала. На карте же Ккхи вырисовывался град, уничтожающий посеvy. «Кажется, был разговор, что все видят по-разному, может, в этом дело?» — подумала Рина и попробовала представить, как ещё можно воспринять то же самое. Но как она ни всматривалась — ничего не выходило. «Как вообще могут быть связаны град и внезапное нападение?» — недовольно подумала она и тут же сообразила, что вопрос поставлен правильно: и то и другое действительно связано, потому что «внезапно». Покос и подготовка? Подготовка к зиме! Сарай и защищённое место — ещё проще: сарай и есть это место! Только если сказать: «Ты ударил и попал мне в сарай», — будет смешно.

Ещё немного подумав, девушка решила, что Ккхи, наверное, никаких «покосов» не видит, потому что хлеб почти точно не ест — такой-то пастью. А град? Возможно, он бьёт не посеvy, а просто траву. И это плохо, потому что... ну, например, Ккхи в этой траве живёт и мёрзнет. Шерсти-то у него нет. Тогда, конечно, он способен понять укрытие — сарай. Интересно, он у них так же выглядят? Рина покосилась на стол, который раньше притворялся клеткой. Ни один местный кузнец не мог бы создать такое.

«Кузнеца, впрочем, и не волновали бы посеvy», — отметила девушка. Как, наверное, и его дочь. «Филя!» — тут же всплыло в её голове. Сын конюха с широко посаженными глазами и постоянной улыбкой. Все разговоры — только о лошадиной доле: таскание плуга, перевозка тяжестей, потеря подков. Когда Рине надоедало, она заты-

кала ему рот поцелуем; он застывал и не сопротивлялся, а потом радовался этому так же, как лошадям. Они провели вместе целое лето, и конюх наконец-то заподозрил неладное, но никому ничего не сказал: что бы люди ни болтали — что Фил попортил девку или что она использовала юродивого для потех, — всё было одинаково позорно.

Рина попробовала посмотреть на карты взглядом дочери кузнеца, надеясь увидеть там что-то соответствующее, но ничего, кроме отца, не открылось. Его лицо было перекошено, как в те моменты внезапной ярости, которые случались у него несколько раз в месяц.

«Неожиданное нападение?» Какая ерунда. Отец просто был недоволен, при этом совершенно ожидаемо и даже заслуженно: в сущности, Рина была та ещё дрянь. Вслух это никогда не говорилось, но только потому, что никто не утруждал себя очевидностями.

От попыток смотреть на карты с другой стороны Рина устала, возможность сдвигать точку сборки была на какое-то время утрачена, и теперь на картах снова пестрели бессмысленные узоры. Оставалось только прислушиваться к разговору игроков, не отличающемуся особым разнообразием: Ккхи нападал, а Дон всегда ему перечил, практически не атакуя в ответ. Дон заметно потел, движения ящера временами вместо плавных становились дёргаными, колоды подходили к концу.

— Я найду тебя в следующем иц'к'л, — пригрозил ящер, сгрёб использованные Ккхи и стал втасовывать их в свою колоду. Эта карта, видимо, позволяла забрать со стола сыгранные и использовать заново. В том, что это просто странная версия карточной игры, у Рины уже не было никакого сомнения.

— Pardon? — переспросил Дон и повторил: — Иц'к'л?

— Я уйду. Я пойду на круг. Круг... — запнулся Ккхи. — Круг... перерождения, — нашёл он правильное слово, вер-

нее, пропихнул через слизня то, что получилось. — А ты — нет. Я буду молодой, а ты — нет. Понятно?

— Круг перерождения?

— Великий круг охоты-жрачки-случки.

— Ах, вот ты о чём. К тому времени я уже выращу сыно-вей, — улыбнулся Дон, выкладывая карту.

— Накормишь будущих себя землёй? — усомнился ящер. — Зачем так говоришь?

— Я говорю, что, когда ты придёшь, у меня будут сыно-вья.

— Нет, это не перерождение, а поедание, — сказал Ккхи, указывая на карту, — и ты сказал «выращу». Кормить зем-лём. Выращивать цветы.

— Кормить детей собой, а не землёй, хотя и дети — цве-ты жизни.

«Вскармливание!» — вспомнила Рина карту, которую она заполнила вместе с Доном. Это вполне могла быть она. Оба игрока были явно чем-то недовольны, наверняка Рина что-то напортила.

— Да, перерождение, — подтвердил Ккхи.

— Рождение детей, — возразил Дон.

Завязалась долгая беседа, из которой Рина мало что по-няла. Тема показалась ей слишком физиологичной, к то-му же эти двое постоянно переходили на какие-то третьи и четвёртые языки, за которыми сложно было уследить, по-этому Рина даже и не пыталась; но зато именно она первой заметила, как слизень на полу вдруг начал извиваться, свер-нулся калачиком и замер.

Ккхи перешёл на щёлканье, Дон попытался прочирикать что-то в ответ, но особого успеха не добился. Маленький ящер собрал карты, свои и Дона, в одну кучу и засунул её се-бе в портоомнию. Каркнув что-то на прощание, он скрылся за набедренной повязкой, большое тело рептилии ожило, встало и огляделось по сторонам. Заметив слизня, оно раз-давило его небрежным движением лапы, прыжком забра-

лось на стол — и беззвучно исчезло вместе с ним, словно никакого Ккхи и не было.

Дон убрал джинна в сумку, а бластер повесил на пояс, как он всегда делал перед выходом куда-то; и тут Рина поняла, что это, наверное, победа.

Девушку прорвало. Она открыла рот, и оттуда полилось множество звуков. Они складывались в слова, слова — в предложения, которые, в свою очередь, не складывались ни во что, но помогали пережить произошедшее. Дождавшись, пока из Рины выйдет весь воздух, Дон сказал:

— Давай не сейчас? Собирайся, нам надо отойти от слизи.

На улице они увидели мула. Фёдор невозмутимо щипал травку, привязанный к ограде. «Мог бы сказать раньше!» — кольнуло девушку, но упрёк тут же был похоронен под грузом последних впечатлений.

Постояв у сарая некоторое время, словно пытаясь запомнить его таким, Дон кивнул. Фёдор тоже зачем-то кивнул, и они молча отправились в путь. «Может, и правда недосып?» — подумала Рина, украдкой разглядывая серое лицо спутника. Похоже, Дон был не дурак поспать, по крайней мере, часто он просыпался позже девушки. Сейчас Дон страдал от последствий слизи, но решил оставить эту информацию при себе: чем больше у тебя в голове разных смыслов, тем дольше приходится восстанавливаться.

— Ну что ты маешься? Сядь на мула и подремли, — не выдержала она спустя час пути.

— Да как же я тебя одну-то брошу?! — притворно ужаснулся Дон.

— Как-нибудь справлюсь, вдоль камней идти много ума не надо.

Встречных путешественников становилось всё больше и больше, а вдоль дороги появились мильные камни, отсчитывающие расстояние до города (в лье); и хоть сама дорога

безбожно петляла по горной местности, можно было сказать, что они вышли на финишную прямую.

Взаимоотношения дороги и гор завораживали девушку. Дорога никогда не спускалась к подошве — наверное, потому, что ей оттуда потом не выбраться — и не взбиралась на самую верхушку — потому что лезть вверх дураков нет, если тебе надо вперёд; вместо этого она цеплялась виноградной лозой за бок горы, изгибаясь множеством поворотов. Сейчас, конечно, всё выглядело так, будто дорога была здесь всегда, но Рину особенно интересовало, как же всё-таки та узнала правильную высоту и нужные выступы, когда её прокладывали? А вот два встретившихся туннеля совершенно не впечатлили: подумаешь, дырка в горе, так любой сможет.

Дон проснулся. Привязав Фёдора внизу, они залезли на огромный, в четыре человеческих роста, камень, нависающий над дорогой, и устроили там обед. После трапезы Рина привычно оценила состояние мужчины. Мудрость о том, что человека следует сначала напоить, накормить и уложить спать, а уж потом расспрашивать, упустила главное: требовалось ещё уловить правильное настроение. Еда и сон в этом помогали, но ничего не гарантировали.

— О чём ты думаешь? — рискнула она спросить.

— О киноцефалах. Это люди с человеческими головами, — пробормотал Дон, находясь глубоко в своих мыслях, но тут же поправился: — С пёсьими, конечно же, с пёсьими! Хотя антропоцефалы — это тоже интересная идея. Как раз об этом и размышляю: сколько головы ни меняй, от антропоморфизма не убежать. Люди воображали неведомых жителей дальних земель существами с собачьими мордами и туловищем человека, однако же пёсеголовые были одеты, пользовались инструментами, и всё остальное у них тоже было как у нас.

— Получалось придумать только уродливых людей?

— Да, но, может, в этом и заключалась задача. «Где-то там живут чужеземцы, но другие. Наверняка страшень-

кие!» А вот ты попробуй придумать существ, совсем непохожих на ближнего своего. Вообрази, например, цивилизацию кошек, а не собак, и без человеческих тел. Так и хочется нарядить их в одежду, да?

Рина вспомнила банду кошек, живущих через улицу от неё. Красота их волновала меньше всего, именно поэтому они и были прекрасны. Банда делила общее пространство вокруг дома мясника, где ей регулярно перепадала требуха. Наевшись, кошки раскладывались на земле сложными констелляциями, без труда решая задачу N тел, каждая соблюдала определённое расстояние до любой другой, отражающее степень взаимной приязни. Как была бы организована цивилизация таких животных без обществообразующего мясника, Рина не знала.

— До одежды надо дорасти, если не культурно, то хотя бы технологически. А у кошек — лапки, — заметил Дон. — Понимаешь?

— Ага.

— Вот и хорошо. А ты о чём думаешь?

— О дороге.

— Да?

— О том, как её укладывают.

— Ага. Хорошая тема, — после паузы ответил Дон.

— Да нет, ты не понял, не как они это делают, лопатами или чем ещё, а как именно находят...

— Дорога как будто живая?

— Да.

— А жизнь — удивительная.

Рина поджала губы. Всё было правильно, но это не доставляло никакого удовольствия, скорее, наоборот: ей хотелось рассказать самой, а он бы послушал и только после этого пусть понимал бы. Переживания девушки были впихнуты в несколько слов, и как выбраться из этой тесноты, было непонятно. Скажет она: «Да ты послушай!» — а потом выразит что? Что дорога — живая? Вот именно.

— Солнце ещё высоко. Если поторопимся, то почти успеем дойти до города, — сказал Дон, вставая.

— А если не поторопимся?

— Тогда тоже не дойдём, но по-другому.

Быстро собрались. Рина села на мула, Дон пошёл рядом.

— Люди с пёсьими головами — это Ккхи? — продолжила разговор девушка.

— Всё так. Они с другой планеты, и весь их мир...

— Так, подожди-подожди... Откуда?

Дон осёкся. «Девушка не видела ничего дальше соседней деревни, а ты вываливаешь на неё известие о том, что она не одинока во Вселенной», — вздохнул он про себя.

— Планета — это что? — переспросила Рина.

— Отдельный мир, как этот, — осторожно сказал Дон.

— Понятно, это как другая страна, только ещё больше, — быстро сделала вывод Рина, пока Дон обдумывал, как лучше разрешить ситуацию. Другие страны были для его спутницы так же недосыгаемы, так что какая разница?

— Умница! — с облегчением и удивлением сказал он и продолжил: — И вся их планета — одна большая пустыня. Каждый Ккхи живёт на своей территории, которую охраняет насмерть, потому что иначе не прокормиться. Того, кто проиграл битву за землю, съедают — не пропадать же добру. Рожают редко и мало — всё тот же дефицит еды, да и спариваться опасно: могут сожрать. При таком подходе каннибализм может стать проблемой, да? У одних людей-людоедов было поверье, что если съесть сердце поверженного врага, то станешь таким же храбрым, как он. Глупости, конечно, а вот у Ккхи это действительно так. Мясо поверженного врага уходит не просто на пропитание, но ещё и на то, чтобы отрастить нового Ккхи, как потерянную конечность, между ног «старого». Ккхи-ребёнок похож на «маму» и на «папу», перенимает их свойства, как и у людей. В таком случае помурить не так страшно.

— Получается, «я твою маму ел» — это ругательство?

— Нет, что ты! С каких пор родство считается оскорблением? По-человечески это будет что-то типа «мы с тобой одной крови».

— Но у нас-то попробуй сказать, что драл маму!

— Так у вас-то неравенство полов, и кто кого драл — тот и молодец. У Ккхи спаривание — обоюдно опасный процесс, а когда ты гермафродит, эмансипация не нужна. Любой Ккхи может рожать, — пояснил Дон.

— А карты им зачем?

— Потому у Ккхи появился разум, но не у всех.

— Подожди, как — потом? — удивилась Рина.

— Бог создал их неразумными, очевидно же! Я начал рассказ с сотворения мира. Маленьким Ккхи пришлось думать головой, чтобы не сожрали. Знаешь, как говорят: «Сила есть, ума не надо». Или, по другой гипотезе, они просто скушали кого-нибудь разумного и присвоили это качество себе.

— Кого?

— Ну, мало ли, залетел в гости кто. Тем не менее до сих пор по мере взросления ящера его разум отмирает за ненужностью. Людям это знакомо в виде классического конфликта отцов и детей: вторые совершенно справедливо считают, что они умнее первых.

Рина недоверчиво покосилась на Дона, но его лицо оставалось абсолютно серьёзным.

— Маленький Ккхи, пока растёт, берёт под контроль большого. Этот процесс по-нашему называется «воспитанием», и благодаря этому, например, большой Ккхи нас не сожрал. Позже маленькие спиногрызы нашли способ подольше не взрослеть и не покидать, простите, родительское гнездо, так и болтаясь там. И наконец, я просто не могу не пошутить, что Ккхи на самом деле думают тем, что у них между ног. Всё как у людей!

— Это совершенно не смешно!

— Ну нет так нет, — ответил Дон и замолчал.

— Может быть, немного смешно, — создалась Рина, решив, что Дон обиделся и не хочет продолжать. — И что дальше-то?

— А дальше они стали не самой продвинутой, но одной из самых мирных цивилизаций в галактике.

— В галактике — это где?

— В мире.

— Они же хищники и людоеды!

— Да, именно поэтому. Разуму очень не нравится быть съеденным, пусть даже и сородичами, и он выкручивается. Ккхи как торговля — вершина эволюции Ккхи как вида. В китайском трактате... — Дон покосился на Рину и добавил: — Это такая страна... В трактате «Тридцать шесть стратагем» описаны, как легко догадаться, тридцать шесть способов победить: например, такие, как «грабить во время пожара», «извлечь нечто из ничего» или «пожертвовать сливой, чтобы спасти персик». Думаю, Ккхи были бы от него в восторге! Именно этим они и занимаются: путешествуют по свету и собирают военные стратегии.

— Но ты же только что сказал, что они мирные.

— Разумные хищники, да. Они весь мир осмысливают через метафоры битвы и еды. И тебе лучше не знать, через что и каким местом действительно думают люди, — сказал Дон куда-то в сторону и замолчал.

— «Грызи знания, а не существ!» — Дон вскинул руку вверх, изображая какой-то жест и продолжил рассказ: — Иными словами, раньше они путём поедания усваивали гены, а теперь с помощью карт — мемы. Ох, долго объяснять.

— Получается, что ты проиграл? — Рина решила перевести разговор в более практическое русло. — Но ведь нет, джинн достался тебе.

— Получается, что чистая идея выигрыша и проигрыша тут не особо применима. Я же только что рассказал про их отношение к балансу «брать — давать»: тебя съедают, но за-

то ты получаешь потомство. Ккхи мне просто поддался — и проиграл.

— И каждый получил то, что хотел.

— Да. Ящера очень впечатлила твоя карта, поэтому он обменял её на джинна, можно сказать и так. «Победитель» забирает товар, «проигравший» — все карты, участвующие в «торгах». Или наоборот.

— Но вы же о чём-то спорили?

— Мы искали понятные и точные аналоги среди известных стратагем Ккхи, но не нашли. Цель торговли разве не в этом — получить то, чего нет?

— Так что же, ему так сильно понравилось кормление грудью? — смутилась девушка.

— Скорее, идея отдельного потомства или, может, заботы старшего о младшем. Большой Ккхи не воспринимает маленького как продолжение: нет мозгов. А малому надо поскорее свинтить от «инкубатора» куда-нибудь по-умному — так, чтоб не съели. Сейчас, конечно, уже никто никого не жрёт, воспитанные стали.

Всё это было довольно удивительно и требовало дальнейшего обдумывания, но у девушки оставалось ещё два вопроса:

— Откуда у разбойников Ккхи?

— Ограбили кого-нибудь.

— Кого, например?

— Я правда пока не знаю, — со вздохом произнёс Дон. — Кого-то с другой планеты, поэтому могу предположить, что тут торговцев с Ккхи не особенно много, если вообще есть, и наш ящер хотел встретиться именно с этой колодой. Это также может объяснять внезапное исчезновение эльфов: у них явно была договорённость о сотрудничестве до тех пор, пока не произойдёт встреча.

— А ты откуда с ящерами знаком?

— У меня была бурная молодость, — смущённо улыбнулся Дон и незаметно поправил на ходу кобуру.

Разговор закончился, а путь нет. Потребовалось ещё несколько часов молчания, прежде чем Дон остановился и сказал:

— Смотри.

Всё это время путешественники медленно и незаметно взбирались вверх и теперь стояли на вершине огромного холма. Дальше дорога только спускалась, продолжая всё так же петлять вокруг холмов поменьше, но постепенно местность разглаживалась, превращаясь в равнину, изрезанную паутиной дорог. В её центре виднелась огромная башня, окружённая строениями поменьше, потом — ещё меньше, потом — россыпью домиков, сливающихся на таком расстоянии в неразличимый муар, и, наконец, огромной стеной, за которой тоже находились какие-то кварталы, издали похожие на наросты плесени. «Вот он, город», — поняла Рина.

— Почти дошли, — кивнул Дон.

Девушка с удвоенной энергией ринулась в сторону города.

— Эй, стой, ты куда? Да стой ты, неугомонная! Тут ещё полдня пути, а уже темнеет. Утром неторопливо спустимся с холма, и никуда твоё счастье не уйдёт.

Утащив Рину с дороги, Дон разбил лагерь в пещере неподалёку и, чтобы как-то унять энтузиазм девушки, приказал ей собирать дрова. Вернее, попросил:

— Ты не могла бы набрать немного хвороста? — сам же отправился вглубь, прихватив с собой «светлячка» — маленький светящийся шарик.

Когда он вернулся, хоровод теней на стенах сопровождался мягким потрескиванием костра.

— Ты запачкался.

— А ты развела костёр. Посмотри, мы уже разговариваем как женатая пара: обмениваемся очевидностями.

Дон сел ближе к огню, положил полуразряженного «светлячка» заряжаться и стал осматривать повреждения. Вдоль

штанины была размазана длинная полоска красноватой грязи, но порвано ничего не было.

— Скользко и узко, — пояснил он, пододвигая ногу ближе к костру, чтобы грязь подсохла. — Как и в любой пещере. Футов триста в глубину, пустая, так что можно спать спокойно. У нас ещё инжир остался — будешь?

— Буду.

— Хорошо мула собрали, толковый у него был хозяин.

— Да? — задумчиво отозвалась девушка.

Весь этот уют на привалах Рина приписывала Дону. Любимый уже походный плащ, сделанный из неведомой шерсти, который позволял спокойно спать на земле и не впитывал росу, а утром сворачивался в тугую трубочку и убирался в свой собственный капюшон; механическое огниво, сразу производящее огонь, а не просто высекающее искры; пузырёк с неизвестным сиреневым порошком, с шипением превращающий любую воду в чистую; набор металлической посуды и котелок, вкладывающиеся друг в друга; «светлячки» — три небольших шара, разгорающиеся, если их потрясти; сушёные фрукты и вяленое мясо — всё это извлекалось Доном по мере необходимости из сумки за седлом и, возможно, вовсе не было его заслугой. Он же только пополнял запасы свежей воды и провизии в деревнях, заваривал чай из трав, разогревал деревенскую пищу и морочил голову.

Кроме того, каким-то неведомым образом Рине удавалось высыпаться в его присутствии (а вот ему, похоже, не очень), но поднимать эту тему она не решалась: ну должна же в мужчине быть какая-то загадка. Вопрос был слишком важным, а о таком говорить всегда страшно.

Всё это время украдкой следившая за Доном Рина заметила, как он стряхнул засохшую грязь и внимательно к чему-то принялся. Тут же снаружи послышался лёгкий шорох, переходящий в мягкое пошлёпывание. Дождь. Дон достал котелок и выставил его наружу, подперев камнем, а сам вы-

шел на промысел, пока ливень не набрал полную силу. Ещё через пятнадцать минут чай из чабера был готов.

«Прошедшую ночь обсуждать тоже невозможно, — думала Рина, наблюдая за приготовлениями. — С другой стороны, о чём там говорить? Он мне не отец, а эльфа я больше не увижу». Рина поучаствовала в сексуальной жизни Дона только тем, что слышала стоны эльфийки из противоположного угла, но они тоже больше не встретятся... Ах, джинн же ещё!

— Дон, а что джинн? Что мы будем с ним делать? — спросила Рина, беря протянутую ей кружку с чаем.

— Я что-то должен привезти Владу взамен карт и содрать с него комиссию, хоть это будет и нелегко. Карты я обменял на джинна, — пожал плечами Дон. — С другой стороны, по меркам Ккхи джинн скорее твой, без помощи я бы не справился. Как-то поделим. — С этими словами мужчина поднялся и насыпал узенькую дорожку соли, отрезающую вход в пещеру. — Можно спать.

Дон ещё долго сидел у костра, потягивая чай, потом помыл под дождём кружки и, вытерев руки о штанины, достал джинна. Девушка уже давно спала, поэтому не видела, как Дон провёл по «лампе» в специально отведённом месте, обозначенном для ясности пиктограммой в виде ладони, и тут же из носика повалил синеватый дым, в котором появились контуры головы. Джинн что-то говорил, а Дон долго и молча слушал, после чего скользнул рукой по лампе в обратном направлении — и всё исчезло.

Бросив короткий взгляд на Рину, он убедился, что та спит, расстегнул кобуру и достал бластер. Пристроив его к голове девушки, Дон нажал на курок.

Купить книгу целиком:

<https://spectator.ru/book#buy>

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Сказка	7
Первичный приём	14
Разбойники	21
В деревне	36
Развилка	44
Тролли	53
В таверне	70
Эльфы	79
Ккхи	93
Вход в город	117
Мама Рины	122
Изгнание	133
Джинн	142
Горарх	149
Сома	160
Анус города	164
Цын	170
Минсамр	180
Книжный клуб	188
Мушер	195
Шпунтли	210
Каласкилакия	228
Возвращение из изгнания	246
Соня учит Непоседу отдыхать	259
Беня	282
Трудно быть богиней	298
Let my people go	309
Конец	319

Дмитрий Смирнов

Кузнецова и лучики добра

Редактор Сергей Барханов

Корректор Александра Приданникова

Фотограф Serj Sakharovskiy

Дизайн обложки Мария Бангерт